

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstätt (Germany). Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

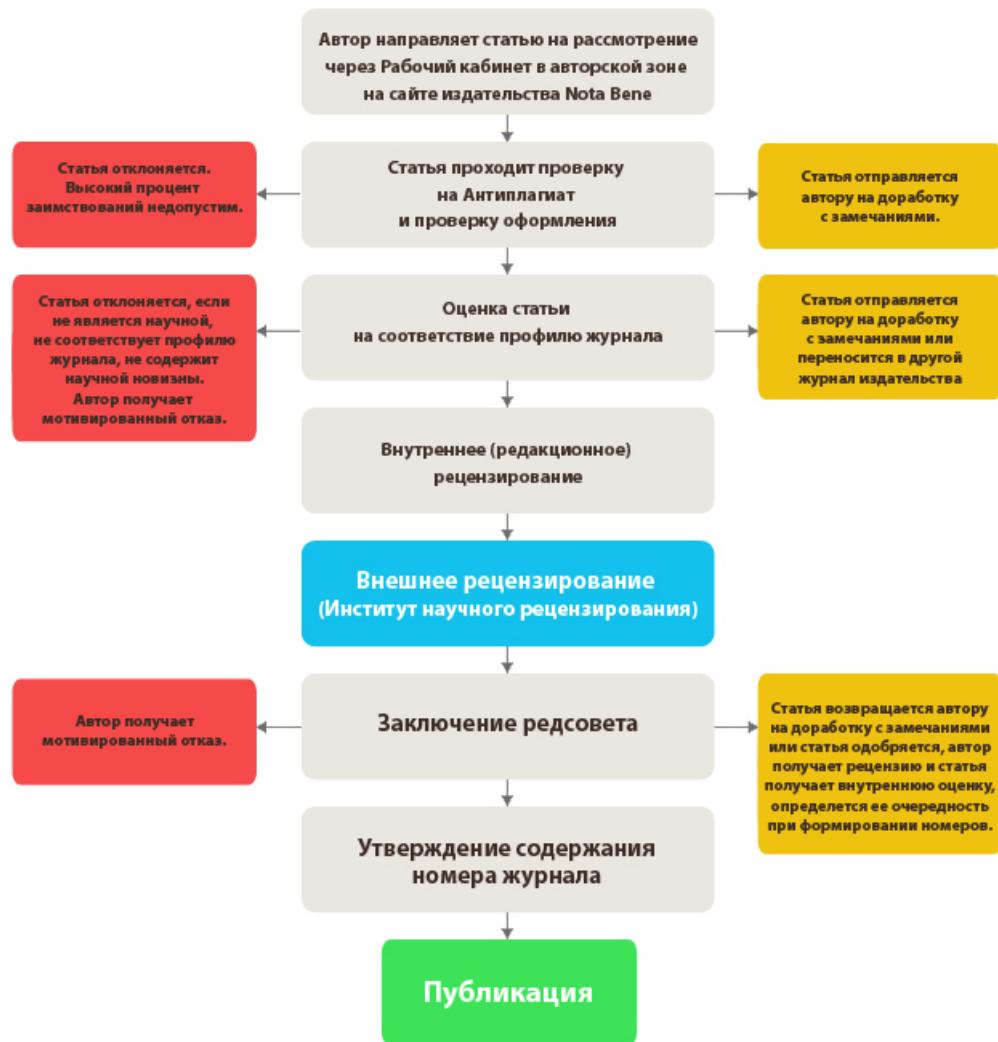
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Петров М.А. Новые коммуникативные технологии в контексте процессов социализации в информационном обществе	1
Цветкова О.А. Субъект безумия в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера	16
Плюснин Л.В., Петрова Г.И. Экосистемная рациональность – философский дискурс мышления о современном мире и его будущем	27
Желтикова И.В. Концептуализация понятий «образ будущего» и «образ города» и их взаимный эвристический потенциал	41
Скороходова Т.Г. Этическая мысль Бенгальского Возрождения: открытие морали в индийской традиции (1815–1870)	52
Англоязычные метаданные	69

Contents

Petrov M. New Communication Technologies in the Context of Socialization Processes in the Information Society	1
Tsvetkova O.A. The Subject of Madness in L. Binswanger's Existential Psychoanalysis	16
Plyusnin L.V., Petrova G.I. Ecosystem rationality is a philosophical discourse of thinking about the modern world and its future	27
Zheltikova I.V. Conceptualization of the "image of the future" and the "image of the city" and their mutual heuristic potential	41
Skorokhodova T.G. The Ethical Thought of the Bengal Renaissance: A Discovery of Morality in Indian Tradition (1815–1870)	52
Metadata in english	69

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Петров М.А. — Новые коммуникативные технологии в контексте процессов социализации в информационном обществе // Философская мысль. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.8.43881 EDN: UUVHAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43881

Новые коммуникативные технологии в контексте процессов социализации в информационном обществе

Петров Михаил Александрович

ORCID: 0000-0001-7078-4865

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, Сибирский федеральный университет

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А, ауд. 428

mipet@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.8.43881

EDN:

UUVHAX

Дата направления статьи в редакцию:

17-08-2023

Дата публикации:

24-08-2023

Аннотация: Объектом данного исследования является современная социальная реальность, облик которой формируется созданием, использованием и совершенствованием новых коммуникативных технологий. Предмет исследования — социально-онтологические основы влияния новых коммуникативных технологий на процессы социализации личности в информационном обществе. Цель настоящей работы заключается в выявлении и осмыслиении социально-онтологических особенностей тех трансформаций коммуникативной реальности, которые являются характерными для актуального состояния развития информационного общества. Методологическим фундаментом настоящей работы выступают способы и подходы к рассмотрению коммуникативной специфики информационного общества, разработанные такими исследователями, как М. Кастельс, Л. Флориди, Ф. Уэбстер и др., а также представителями отечественных социально-философских исследований данной проблематики. В ходе данного исследования автором использовались герменевтический

и аналитико-интерпретативный методы, а привлекались средства концептуального анализа. Научная новизна работы состоит в выявлении социально-онтологического содержания влияния новых коммуникативных технологий на коммуникативную архитектуру развивающегося информационного общества, в оценке возникающих в связи с происходящими изменениями социально-философских задач. Ключевой вывод проведенного исследования заключается в том, что неоднородность социальных и технологических трансформаций, формирующих облик общества, называемого информационным, обуславливает необходимость плюралистического подхода к концептуализации его онтологических особенностей и значимость критической рефлексии применяемых понятийных единиц.

Ключевые слова:

информационное общество, коммуникация, социализация, социальная онтология, общество знания, коммуникативные технологии, информационная культура, интенсификация коммуникативных процессов, диджитализация, информатизация

Введение

Исследование процессов диджитализации и информатизации социальной среды на уровне всеобщих закономерностей и условий является одной из актуальных задач современной социальной философии. Классическая философская проблематика, связанная с осмыслением детерминант становления личности, соотношения личностного и социального в формировании коммуникативной реальности, обретает новое звучание в связи с анализом актуальной специфики ее развития. Коммуникативный характер процессов становления личности, социализации как усвоение определенной социальной информации и навыков ее обработки становится предпосылкой для постановки вопроса о том, как новые коммуникативные технологии влияют на осуществление данных процессов. Философское содержание данного вопроса заключается, в частности, в установлении социально-онтологических следствий внедрения новых коммуникативных технологий: каким образом такие технологии изменяют характеристики социальной реальности, как их использование сказывается на осуществлении процессов социализации, как в конечном итоге ими определяется облик становящегося и воспроизводящегося информационного общества — все эти вопросы составляют содержание социально-онтологического исследования. Значимость таких исследований для полноты и обстоятельности философской рефлексии специфики информационного общества раскрывается многими авторами: так, С.В. Орлов отмечает необходимость анализа актуально используемых технологий оперирования информацией [1, с. 13], а Р.Ф. Абдеев указывает на значимый характер проблемы познания динамики организационных процессов (в.т.ч. применительно к социальным структурам) [2, с. 26]. Внедрение новых коммуникативных технологий оказывает влияние на динамику социальной организации как на макро-, так и на микроуровнях, и философская задача заключается в том, чтобы проанализировать те концептуальные схемы, с помощью которых может строиться обсуждение этого влияния, указать на возможные пути выявления общих для ситуаций влияния закономерностей, «вписать» его в современное научное мировоззрение.

Нередко встречающиеся в литературе по данной проблематике заключения о характерных чертах коммуникативной организации информационного общества зачастую постулируются без предварительного прояснения онтологических предпосылок и

детерминант, позволяющих принять их без возражений. Так, Ю.А. Чернавин отмечает, что процессы цифровизации влекут за собой изменение соотношения сфер общества, в ходе которого на первый план выходит сфера коммуникации [3, с. 33]. Несмотря на кажущуюся очевидность содержания, данное утверждение оставляет за пределами рассмотрения сам ход «изменения соотношения сфер», под которым автором, вероятнее всего, подразумевались сложные трансформации социальной структуры, характерные для становления информационного общества. В данном случае эти трансформации описываются с помощью механистической онтологии взаимодействия сфер, содержание которой автором не воспроизводится, оно остается на уровне допущений. Тем не менее, становится ясным, что обсуждение влияния новых коммуникативных технологий на уровнях личностной социализации и формирования коммуникативной структуры общества является многоплановой задачей, и потому требует целого набора предварительных онтологических допущений, сообразных реализуемым блокам задач. Мы не придерживаемся того взгляда, что социальная онтология представляет собой отрасль изучения некоторого независимо существующего предельного уровня социальной реальности. Напротив, мы придерживаемся того, что Р. Лауэр называет прагматистским аргументом важности онтологии [4, с. 23], т. е. разделяем утверждение, согласно которому онтология представляет собой скорее некий концептуальный фреймворк для формулирования заключений на основании эмпирических данных социального познания. Социальная онтология — это не сфера постулирования утверждений об основаниях существующей социальной реальности, а область разработки и применения инструментов, опосредствующих формирование социального знания, способствующих созданию формулировок продуктивных объяснений, предсказаний. Руководствуясь таким пониманием социальной онтологии, мы можем выработать концептуальные основания для обсуждения роли коммуникативных инноваций в развитии процессов социализации в информационном обществе.

В настоящем исследовании мы предпринимаем попытку рассмотреть онтологическую специфику коммуникативных аспектов информационного общества, акцентируя внимание на том, как их актуальное развитие сказывается на осуществлении процессов социализации. Коммуникативный характер процессов социализации и значение развития средств массовой коммуникации для изменения их облика отмечается рядом исследователей проблематики информационного общества: так, А.П. Суханов констатирует, что управление потоками информации, движущимися по многочисленным коммуникативным каналам, определяет процессы формирования личности в обществе [5, с. 10], А.С. Горбунов отмечает, что процессы формирования личности находятся в зависимости от фундаментальных характеристик социального развития, а для информационного общества такой характеристикой становится интенсивное развитие средств массовой коммуникации и вовлеченность человека в их функционирование [6, с. 62], Н.В. Тихомиров отмечает рост значения сетевых средств коммуникации для формирования личностного отношения к миру и обществу [7, с. 195]. Сам факт значимости развития коммуникативных средств для становления и развития информационного общества, таким образом, является общепризнанным, однако, отнюдь не всегда авторами явным образом вводятся допущения относительно онтологического значения новых средств и технологий коммуникации для формирования социальных систем. В настоящем рассмотрении, таким образом, мы предпринимаем попытку наметить общие черты социально-онтологического изучения коммуникативных инноваций.

О значении социальной онтологии в системе знаний об обществе

Прежде, нежели перейти непосредственно к социально-онтологическому рассмотрению коммуникативно-технологических инноваций и их значения для осуществления процессов социализации в информационном обществе, следует обратиться к роли и положению социальной онтологии в системе социального знания, поскольку значимость положений социальной онтологии для наук об обществе и применения полученных ими результатов в практике социального управления и преобразования отнюдь не является очевидной. Говоря о предметной области социально-онтологических исследований, можно согласиться с положением Г.И. Лукьянова, согласно которому в центре ее внимания находится связь наиболее общих концептуальных единиц (понятий, категорий), используемых при описании и изучении обществ (социальная реальность, социальные пространство и время и т. п.) [8, с. 152], однако, важно прояснить, какова специфика исследования этой связи. Ясно, что социальная онтология имеет существенное значение при интерпретации социальных фактов, при осмыслиении эмпирических и теоретических результатов социальных исследований, однако, чем обуславливается, конституируется социальная онтология? Справедливым в свете данного вопроса представляется замечание А.Ю. Антоновского и Р.Э. Бараш о том, что формированию социальной онтологии должны предшествовать эпистемологические представления об основаниях используемых классификаций, применяемых к социальным объектам и их свойствам [9, с. 258]. Социальная онтология представляет собой определенного рода концептуальную схему исследуемой реальности, формируемую на основании предварительных методологических и теоретико-познавательных допущений относительно способа исследования выделенного фрагмента социальной реальности. Вторая из ключевых задач социальной онтологии, выделенных Ю.А. Кимелевым — определение базисных элементов социальной реальности (объектов, их свойств, отношений и т. д.), реализуется социальной онтологией как сегментом социальных наук [10, с. 188], как уровнем формирования общих языковых средств для описания их предметной области.

В формировании социальной онтологии понятийные элементы могут использоваться как прямо, так и метафорически: например, Н.С. Розов указывает на то, что метафорический характер носит онтологическое описание социального развития как изменения качественных и количественных состояний в пространственно-временных терминах [11, с. 114]. Более того, следует отметить, что сами категории социального пространства и времени носят метафорический оттенок, они основаны на продуктивной аналогии в использовании данных терминов применительно к описанию социальной действительности. Однако, использование метафорики не противоречит реализации значимых функций социальной онтологии, реализуемых относительно наук об обществе — эвристической и концептуально-систематизирующей. Задействование понятийно-категориального инструментария и теоретических схем других научных отраслей является не только допустимым, но и нередко ценным для формирования социально-онтологических концепций: демонстрируется это, в частности, исследованиями М. Деланда, в рамках которых оценивается применимость концептуальных средств эволюционной биологии (популяционная терминология, анализ категории биологического вида (вид как абстрактный класс и как индивидуальное сущее), заимствование иерархических схем построения онтологий и т.д.) [12]. Достоинства социальной онтологии определяются ее эвристическим потенциалом для выработки новых эффективных описаний и объяснений [4, с. 35], в которых та или иная отрасль социального знания испытывает потребность. Целевые установки развития социальных онтологий, таким образом, формируются отраслями социальных исследований.

Однако, часто онтологические допущения о социальной реальности не разрабатываются специализировано и имеют имплицитный характер. Такие допущения присущи различным крупным направлениям социологической мысли: например, Т. Керимов в связи с этим говорит о мейнстримсоциологии со свойственной ей онтологией, имеющей эссенциалистский характер, редуцирующей многообразие социальных явлений к «фундаментальным» сущностям, автономизирующей социальную действительность от иных составляющих реальности [13, с. 111-113]. Неявные онтологии отнюдь не всегда могут реализовать значимые функции в отношении социального познания, напротив, в ряде случаев они могут затруднять реализацию исследовательских целей и снижать уровень рефлексивности и критичности представителей социальных наук в отношении мировоззренческих оснований собственной деятельности. В связи с этим, задача анализа имплицитных онтологических допущений, содержащихся в исследованиях коммуникативной специфики процессов социализации в информационном обществе, представляется актуальной задачей социальной философии. Имплицитные социально-онтологические допущения обуславливают и исследовательские оценки тех или иных явлений в контексте их влияния на динамику развития отдельных процессов или социальной реальности в ее целостности. В нижеследующих разделах мы обратимся не только к выявлению и описанию онтологических допущений, разделяемых рядом исследователей коммуникативной специфики процессов социализации в информационном обществе, но и к их критическому анализу. По справедливому замечанию С.В. Орлова, для исследования информационного общества необходимым является определенное «переформатирование» социальной философии [14, с. 120]. Необходимой составляющей такого «переформатирования» является и критическая ревизия существующих взглядов и допущений, представляющаяся отправной точкой для создания новых философских средств постижения социальной действительности.

Коммуникативная онтология информационного общества

В первую очередь, говоря о социально-онтологических допущениях, полагаемых в основу теорий информационного общества и взглядов на специфику его коммуникативной организации, следует обратиться к содержанию самой характеристики общества как информационного. Об информатизации и информационном характере современного общества чаще нередко говорят как о чем-то самоочевидном, хотя на практике авторы нередко расходятся в понимании того, что вкладывается в данные формулировки. Неопределенность понятийного содержания и расхождение в его понимании констатируется и Ф. Уэбстером, отмечающим, что порой кажется, что для некоторых авторов настолько очевиден факт нашего нахождения в информационном обществе, что они беспечно отрицают необходимость прояснения того, что подразумевается ими в тех случаях, когда они используют данное понятие [15, р. 8]. Отчасти эта ситуация вызвана полисемантичностью самого понятия информации: существует множество формальных теорий информации, некоторые из которых предполагают введение дефиниции информации как ключевого понятия, тогда как для других эта задача оказывается избыточной и они фактически не раскрывают его содержания, обращаясь к другим количественно-интерпретируемым понятийным единицам (например, понятие количества информации в статистической теории информации Шеннона).

Многообразны и философские воззрения на информацию: представители различных направлений стремятся наполнить данное понятие предельным содержанием, определить его онтологическое и эпистемологическое значение, установить его функции в рамках научного мировоззрения, однако, между ними чаще всего отсутствует консенсус по

большинству значимых содержательных проблем. Даже в системе диалектико-материалистической философии, представители которой столь активно акцентировали ее последовательность и внутреннюю логическую связность, сформировалось два отличных и несводимых друг к другу взгляда на содержание данного понятия — атрибутивистский и функционалистский. Показательно замечание А.П. Суханова о том, что несмотря на то, что философским основанием обеих точек зрения является т. н. теория отражения, разрешение спора между их представителями и нахождение общих точек соприкосновения представляется сомнительным [5, с. 10]: хотя он и заявляет о том, что придерживается взгляда на информацию как на содержательную сторону процессов отражения, фактически он отказывается от использования развиваемых ими определений, синонимизируя информацию с данными, знанием или содержанием осведомления [5, с. 11, 13, 66]. На наш взгляд, отсутствие дифференциации онтологических контекстов бытования информации приводят многих авторов к внутренней несогласованности их взглядов. В этой связи оправданной представляется осуществленная Т.Стойнером дифференциация контекстов существования информации, в частности — выделение человеческого использования информации [16, р. 91], а также отделение вопросов использования информации от проблемы осмыслиения ее природы [16, р. 12].

В контексте человеческого использования информация нередко синонимизируется с передаваемым с помощью коммуникативных средств и используемым знанием [17, р. 117]. Например, А.П. Суханов отождествляет накопление человечеством знаний с развитием информационной сферы его жизнедеятельности, а также с расширением инфополя — области осуществления коммуникации, движения потоков информации [5, с. 90]. В свою очередь, М.Кастельс определяет коммуникацию как коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией, детерминируемое как культурной и целевой спецификой акторов, так и используемыми ими технологическими средствами и рамками процессов коммуникации [18, с. 73]. Именно преобразование практик использования знания и способов коммуникации становится для множества авторов основанием описания актуального состояния общества как информационного. Ими используются метафоры «информационного взрыва» (А.П. Суханов [5, с. 118]), «информационной революции» (М. Кастельс [19, с. 35]) для осмыслиения качественных трансформаций социальной системы. Важным является замечание М. Кастельса, согласно которому информационная эпоха развития общества характеризуется не самой ключевой ролью знаний, а их интенсивным применением к генерации новых знаний, к обработке и «направлению» информационных потоков, в применении знания к организации коммуникативных взаимодействий [19, с. 35]. Следуя этой же тенденции, Э. Агацци говорит о формировании «общества знаний» и указывает на важность развития и совершенствования гуманитарной составляющей человеческого знания для того, чтобы коммуникативная система, фундирующая общество знания, была насыщена со смысловой точки зрения и тем самым способствовала формированию и совершенствованию личности в обществе, т. е. была адаптирована к нуждам процессов социализации [20, с. 16-19].

Могут быть выделены разноплановые подходы к пониманию общества как информационного, основанные на анализе различных аспектов социальной реальности и тенденций их развития. Так, в некоторых случаях основанием для присвоения обществу характеристики информационного становится рост экономического значения

деятельности по созданию информационного продукта и актуализация роли информации как фактора производства [21]. Для других теоретиков таким основанием становится возрастающая значимость знаний и компетенций, выражаясь в увеличении уровня профессиональных требований и ассоциировании управленческого труда с высококвалифицированным анализом информационных потоков организации [22]. Также информационный характер общества может обуславливаться активным развитием средств массовой коммуникации и технологий распространения массовой информации [23, 24]. Сторонниками данных подходов развиваются ценные интенции, однако, следует учитывать, что во всех случаях внимание акцентируется на отдельных способах существования и использования информации. Представление об информационном обществе скорее рождается в результате синтеза ключевых положений значимых теорий, нежели формируется средствами отдельно взятой теории.

В обществе, находящемся на любом этапе развития, социализация имеет коммуникативную основу, поскольку социально значимые знания приобретаются именно в рамках различных формах коммуникативных практик, как интерактивных (групповое и межличностное общение, воспитание, обучение), так и односторонних (получение сведений из различных источников). Но именно интенсификация производства и трансляции знаний, характерная для информационного общества, приводит к постановке вопроса о том, как именно «наполнить» социализирующие потоки информации социально значимым содержанием, и тем самым организовать процессы социализации сообразно целям социального развития. Аномия и деструкция классических моделей поведения с ходом развития новых коммуникативных технологий и пространств становятся актуальными вызовами для современного общества [7, с. 195]. В связи с этим, актуальным становится вопрос о способах представления коммуникативной архитектуры информационного общества, особенностей построения его коммуникативных систем. Решение этого вопроса предполагает обращение к онтологическим представлениям о коммуникативных системах, об их элементах и отношениях, существующих между ними. Обратимся к представлениям такого характера, развиваемых философами-теоретиками информационного общества.

Онтологическая характеристика коммуникативного пространства современного информационного общества как сетевого наиболее часто фигурирует в работах, затрагивающих соответствующую проблематику. «Сетевая» терминология используется для обсуждения структурной специфики современной коммуникации М. Кастельсом [19]: сетевая онтология предполагает структурную полицентричность, увеличение скорости распространения информации и вариативность ее преобразований, нормативный плюрализм. Онтология сети предполагает пересмотр особенностей социального времени и пространства: небывалый рост скорости передачи и возможностей хранения информации стирает пространственно-временные границы, все в большей степени получают развитие технологические инновации, позволяющие вести удаленную работу в режиме реального времени [15, р. 18]. Важная черта сети — существенное увеличение масштабов охвата: границы доступа к информационным и коммуникативным ресурсам на сегодняшний день все больше связываются с виртуальными, нежели с реальными факторами ограничения доступа.

Современные сетевые коммуникации также предполагают синхронную реализацию нескольких коммуникативных ролей: агент может одновременным образом задействован в нескольких виртуальных рабочих процессах или коммуникативных потоках. Мультиагентность также можно назвать одной из характерных черт коммуникации с

«сетевой» онтологией: широкий охват сети и ее структурная неоднородность позволяет включать в коммуникативные процессы не только «классических» личностных и социальных агентов различного плана (начиная от индивидуальных участников коммуникации, представленных таким виртуальным объектом, как персональный аккаунт в социальной сети, и заканчивая «коллективными» участниками, примерами которых могут являться аккаунты организаций и ведомств, тематических сообществ), но и искусственных агентов — «ботов», автоматизированных агентов служб поддержки и т. д. Однако, сетевая онтология коммуникации при этом не является «плоской» (в смысле, вкладываемом М. Деланда [12]): она предполагает образование локальных иерархий, а также участков содержательной гетерогенности.

Проблема использования сетевой терминологии в применении к описанию онтологических особенностей коммуникативной структуры информационного общества заключается в том, что не вполне очевидным становится объект описания: говоря о «сетях», авторы чаще всего апеллируют к существованию и развитию технологических систем, будь это всемирная паутина или сеть, образуемая устройствами пользователей конкретного мессенджера. Но очевидно, что коммуникация не может быть сведена к технологическому обеспечению ее реализации. Авторы, указывающие на свойства сетевых коммуникативных структур, претендуют явно на что-то большее, нежели на простое описание структуры взаимного расположения устройств. Например, В.Н. Курилкиной утверждается, что в сетевом обществе личное общение замещается «общением в сетях» [25, с. 50], но содержание произошедшей по мнению автора трансформации становится неясным, т. к. сетевые средства коммуникации скорее создают новые способы существования персональности, нежели устраниют личностный компонент из коммуникативной ситуации. На сегодняшний день говорить о том, что сетевое общение исключает взаимодействие «лицом к лицу» уже неправомерно: расширение возможностей передачи аудио- и визуального контента обуславливает усиление эффекта присутствия, следует говорить скорее о многоуровневом представлении персональности в сетевой коммуникации, нежели о том, что она подменяется виртуальным объектом, нередко далеким от действительности. Возможность участников сетевой коммуникации ограничивать круг доступа к своей персональной информации усложняет способ существования агента в сетевом пространстве, становясь в.т.ч. и условием наличия у него многоуровневой системы ролей и уровней представленности.

Не менее существенной является и практика онтологического осмысления коммуникативной реальности информационного общества как реальности виртуальной (или включающей в себя множество виртуальных областей). Виртуальность интерпретируется как многозначность, десемантизированность, связывается с континуальными и темпоральными трансформациями коммуникативных процессов [26, с. 65]. А.А. Лазаревичем выделяются следующие особенности виртуальной коммуникации: изменчивость статуса агентов коммуникации (социального, профессионального и т. д.), возможная анонимность, множественный и изменчивый характер персональной идентичности, включение в процессы коммуникации знаковых средств для передачи эмоциональных состояний [27, с. 284]. Создание пространств, не имеющих физических аналогов, равно как и трансформация временных параметров коммуникации (в.т.ч. в силу наличия возможностей «сохранения» диалогов) — особенности современной коммуникации с применением электронных средств, которые нельзя отрицать. Но нельзя согласиться с тем, что перечисленные свойства будут исчерпывающе характеризовать новые формы коммуникативной активности. Отнюдь не все коммуникативные практики

предполагают темпоральные изменения: нередко электронная коммуникация протекает в реальном времени и, более того, ограничивается вполне реальными условиями (начиная от пожеланий участников коммуникации и заканчивая функционированием средств связи). Возможность и допустимость анонимности вполне имеют место и в «реальных» формах коммуникации, реализуемых без применения технологических средств. Изменчивость и множественность персональной идентичности агентов также не является имманентной чертой современных форм коммуникации: многие практики коммуникации, в особенности — профессиональной, предполагают фиксированную идентичность агентов-участников, поэтому, опять-таки, следует говорить не об изменчивости, а об усложнении характера персональной идентичности и поликонтекстуальности ее реализации. Наконец, распространенное частичное отождествление виртуальности с десемантизацией достаточно трудно согласовать с тем, что современные коммуникативные пространства (в.т.ч. online-пространства) нередко предполагают наличие многообразных практик смыслопорождения: едва ли можно согласиться с тем, что сетевой ньюсмейкинг и виртуальные дискуссии в комментариях к размещенному контенту не являются примерами смыслотворчества и интерпретативной активности агентов коммуникации.

Распространенные онтологические характеристики коммуникативной реальности информационного общества (сетевая структура, виртуальность), таким образом, нуждаются в дальнейшем уточнении и конкретизации. Несмотря на то, что сетевые модели могут успешно использоваться для описания структуры технической основы коммуникативных процессов, их эвристичность для описания и объяснения современных трансформаций коммуникативных практик с точки зрения их содержания является ограниченной. Более того, сетевые характеристики могут являться ценными при исследовании социальной коммуникации на макроуровне, однако, при переходе к анализу качественных трансформаций межличностной интеракции они становятся практически бесполезными. В случае с выделяемым свойством виртуальности также возникает вопрос о границах применимости и оправданности утверждений о его фундаментальном значении с учетом принятых способов определения виртуальности. Виртуальность также нередко понимается через призму имитативности и противопоставляется реальной коммуникации, хотя уместнее было бы говорить об их дополнительности и сложном единстве. Средства и результаты социально-онтологической рефлексии коммуникативных аспектов информационного общества, таким образом, носят во многом проектный характер, и являются предметом перспективного обсуждения и совершенствования.

Коммуникативные технологии и облик процессов социализации

Совершенствование применяемых технологий коммуникации и рост их возможностей закономерно оказывает влияние на коммуникативные практики. Это обуславливает необходимость обновления онтологических концептуальных схем, используемых для их осмыслиения. Примечательно, что один из ключевых философов-исследователей проблем информационной реальности — Л. Флориди — развивает тезис о реонтологизирующей роли информационных и коммуникативных технологий. В этом смысле то многообразие явлений, которое нередко обобщается под словосочетанием «становление информационного общества» в терминах Флориди может получить название «реонтологизации инфосферы». Важной технологической предпосылкой реонтологизации становится переход от аналоговых устройств к цифровым, сопряженный с увеличением продуктивности операций передачи, обработки и хранения информации [28, р. 8]. Следствием реонтологизации становится и экспоненциальный рост общих знаний, увеличение масштаба и числа направлений движения потоков социальной

информации. Рост возможностей информирования агентов социальной коммуникации, по Флориди, влечет за собой и увеличение степени их моральной ответственности за принимаемые ими решения [28, р. 8-9]. Следуя этим соображениям, можно заключить о том, что развитие коммуникативных технологий не только (и не столько) оказывает деструктивное влияние на устоявшиеся ценностные диспозиции [7, с. 195], но ведет к формированию новой, многоплановой и сложной системы нормативных принципов, регламентирующих коммуникативные практики.

Личностная социализация — коммуникативный феномен, также трансформирующийся под влиянием развития новых коммуникативных технологий. В то же время, следует избегать переоценки роли коммуникативных технологий в социализации личности. В частности, показательным примером переоценки роли коммуникативной технологии является утверждение А.С. Горбунова, согласно которому электронные устройства (например, смартфоны) становятся для представителей подрастающего поколения первичными средствами получения информации об обществе [6, с. 62]. В данном случае устройство будет представлять собой средство доступа к определенным практикам получения информации, но не к ней самой: создание контента, равно как и совершенствование механизмов персонализации его поиска, представляют собой сложные формы целенаправленной деятельности по обработке и передаче социально значимой информации. Эта деятельность является предметом ответственности осуществляющих ее людей, тогда как электронные технические устройства — результаты применения коммуникативных и информационных технологий — онтологически представляют собой лишь медиаторы, с помощью которых человек может получить доступ к каналам информирования. Каким бы бурным ни было развитие коммуникативных технологий, функция социализации все также остается прерогативой общества и его отдельных институтов. И вопрос контроля потоков информации об обществе, которые оказывают влияние на личность в ходе социализации, должен решаться обществом и отдельными его институтами с учетом возрастающей сложности как самого инфополя, так и технических медиаторов доступа к нему.

Не вполне обоснованной представляется и позиция, согласно которой онлайн-формы коммуникации не могут по своему социализирующему значению сопоставляться с офлайн-формами. Подобную позицию разделяют, в частности, А.С. Горбунов [6, с. 63], Н.В. Тихомиров [7, с. 195], А. Боргманн [29, р. 219-227]. Противопоставление «сетевого» и «традиционного», или «виртуального» и «традиционного» способов осуществления коммуникации, как правило, не учитывает многообразия форм онлайн-коммуникации, в т.ч. и с точки зрения множественности нормативных контекстов, регламентирующих ее. Например, замечание А.С. Горбунова, согласно которому онлайн-коммуникация является «поверхностной», представляется значительно удаленным от реалий современных онлайн-форм межличностной интеракции, по своей смысловой глубине и насыщенности нередко не уступающей офлайн-формам, а иногда и превосходящей ее за счет снятия определенных психологических барьеров, препятствующих полноте личностного раскрытия в актах коммуникации.

Утверждения о потенциально негативном влиянии онлайн-форм коммуникации на процессы социализации личности также основаны на определенном смещении акцентов. Так, утверждение Н.В. Тихомирова о том, что погруженность в цифровое пространство становится предпосылкой для развития склонности к девиантному поведению [7, с. 195] фактически основано на умолчании об иных детерминантах развития девиации, имеющих отношение как к самой социализирующейся личности, так и к ее окружению

(присутствующему и в оффлайн, и в онлайн-коммуникации). Сами по себе онлайн-формы коммуникации имеют не больший потенциал к формированию моделей деструктивного поведения их участников, чем их оффлайн-аналоги. Формирование такого паттерна мышления об онлайн-коммуникации обязано своим возникновением лишь нескольким ее особенностям — большей доступностью и меньшей степенью контролируемости. Однако, это не отменяет того, что условием распространения моделей деструктивного и асоциального поведения является не само развитие онлайн-форм коммуникации и не совершенствование технологических средств доступа к ней, а направленное использование коммуникативного ресурса с соответствующими социально-деструктивными целями. Следовательно, задача общества заключается не только в развитии форм контроля пространства онлайн-коммуникации, а в совершенствовании коммуникативной культуры личности и выработке моделей социально ответственного использования новых форм коммуникации.

Ключевым изменением, которое должно отражаться в содержании онтологических концептуальных схем процессов социализации в информационном обществе, становится их усложнение, «расслоение» в соответствии с умножением числа контекстов активности личности: персональность, реальность которой является информационной по своей природе (личность другого дана нам как массив информации, и наша собственная коммуникативная самопрезентация представляет собой информирование другого) [28], претерпевает структурные и функциональные метаморфозы в сторону ее гетерогенизации, которая, однако, не предполагает устранения интегрирующего ее ядра социально-обусловленных личностных ценностей и смыслов. Современные агенты коммуникации наделены гораздо более высокими возможностями конструирования собственной персональности (и на культурно-смысловом, и на телесном уровне) в силу развития технологий использования информации. В связи с необходимостью концептуализации фундаментального содержания этих процессов возникает необходимость выработки таких онтологических представлений о социализации, которые рассматривали формируемую персональность как сложный, поликонтекстуальный и активно конструируемый объект, предполагающий совместное существование оффлайн и онлайн-идентичности [30, р. 74]. Задача таких онтологических схем заключается в гармонизации «традиционные» и «новые» формы коммуникации в рамках научной картины социальной реальности. Потребность в создании подобных онтологий не может быть удовлетворена путем простого включения объектов «виртуальной реальности» в число разновидностей материального бытия, как это делается некоторыми исследователями [14, с. 120]: для ее удовлетворения требуется создание множества конкурирующих и прагматически-ориентированных описаний структурно неоднородных систем коммуникативных взаимоотношений, образующих ткань процессов формирования персональных идентичностей.

В контексте осуществления процессов социализации новые коммуникативные технологии могут не только существовать в онтологической позиции медиаторов, но и обладать ограниченной агентностью (как и все технологические достижения, они не наделены автономным целеполаганием в своем существовании, но созданы человеком с целью реализации определенных функций). Необходимость учета агентности некоторых технологических феноменов, таких, как алгоритмы (например, поисковые алгоритмы или алгоритмы персонализации в социальных сетях), становится важной чертой онлайн-коммуникации, с которой ее «естественным» агентам приходится считаться [31, с. 47]. В связи с этим, большое значение приобретает развитие цифровых компетенций и навыков организации деятельности в онлайн-пространстве, способствующих продуктивному

взаимодействию с такими системами с ограниченной агентностью. Значимость подобных компетенций проявляется как на уровне односторонней коммуникации и информирования, так и на уровне межличностной интеракции. Навыки взаимодействия с подобными системами становятся залогом настройки персонализации потребляемого контента и результативности информационного поиска. Можно предположить, что постепенное совершенствование технологий искусственного интеллекта приведет к умножению числа разновидностей подобных технических коммуникативных агентов.

Заключение

В настоящем исследовании мы предприняли попытку дать краткий очерк возможных направлений критической рефлексии социально-онтологического содержания исследований, касающихся влияния новых коммуникативных технологий на процессы социализации в современном информационном обществе. Резюмировать осуществленное рассмотрение можно следующими выводами:

1. Социально-онтологические допущения нередко присутствуют в структуре мировоззрения социального теоретика имплицитно, однако, их выявление имеет большое значение для критического анализа формируемых теоретических представлений. В случае исследования коммуникативной специфики информационного общества онологические допущения проявляют себя в контексте исследовательских оценок собственно характеристики общества как информационного, а также осмыслиения свойств новых форм коммуникации. Используемые при этом характеристики «виртуальный», «цифровой», «сетевой» раскрываются именно в связи с исследовательскими представлениями об онологическом статусе описываемых объектов и явлений.

2. Развитие новых коммуникативных технологий следует рассматривать как фактор усложнения процессов социализации личности ввиду возрастания числа контекстов конституирования персональной идентичности. Множественность и изменчивость персональной идентичности в пространствах, создаваемых новыми формами коммуникации (нередко называемых «сетевыми» или «виртуальными»), следует связывать не с деструкцией ценностного и смыслового ядра личности, а с увеличением числа доступных практик коммуникативной самопрезентации. Онологическое значение новых коммуникативных технологий заключается в трансформации пространственно-временных характеристик таких практик, но не в формировании их смыслового содержания. Совершенствующиеся технические средства коммуникации представляют собой технические средства, и целевая составляющая их применения всегда находится в зависимости от намерений пользователя.

3. Специфика коммуникативных процессов, реализующихся в информационном обществе (в.т.ч. процессов социализации личности), определяет и развитие социальной онтологии как сферы создания эвристически ценных для выработки описаний и объяснений концептуальных схем существования объектов/явлений и существующих между ними отношений. Многоплановый характер становящейся социальной реальности и возрастание темпов ее изменения делает постановку вопроса о единых субстанциальных основаниях социальности бессодержательной. Развитие способа существования социальной онтологии как аналитики концептуальных оснований моделей обсуждения социальной реальности и отдельных ее аспектов определяется актуальными потребностями отраслей социальной науки.

Библиография

1. Орлов С.В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы //

- Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 10-24.
2. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
3. Чернавин Ю.А. Коммуникативный статус личности в информационном обществе // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 2. С. 33-42.
4. Лауэр Р. Предшествует ли социальная онтология методологии социальных наук? // Вопросы социальной теории. 2022. Т. XIV. С. 21-43.
5. Суханов А.П. Мир информации (история и перспективы). М.: Мысль, 1986. 202 с.
6. Горбунов А.С. Аспекты социализации личности в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 60-68.
7. Тихомиров Н.В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор современной социализации: проблемы и вызовы // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1. С. 194-197.
8. Лукьянов Г.И. Социальная онтология о проблеме бытия // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. Т. 44. С. 151-156.
9. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Как возможна социальная онтология с точки зрения эпистемологии и философии языка? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 245-260.
10. Кимелев Ю.А. Философские и социологические концептуализации социальной онтологии // Социологический ежегодник. М.:ИНИОН РАН, 2015-2016. С. 187-215.
11. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1: Пролегомены. М.: Логос, 2002. 656 с.
12. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 35-56.
13. Керимов Т. «Онтологический поворот в социальных науках: возвращение эпистемологии // Russian Sociological Review. 2022. Т. 21. № 1. С. 109-130.
14. Орлов С.В. Информационное общество и социальная философия // Философия и культура информационного общества. Десятая международная научно-практическая конференция. СПб.: ГУАП, 2022. С. 118-120.
15. Webster F. Theories of the Information Society. London, New York: Routledge, 2006. 404 p.
16. Stonier T. Information and the Internal Structure of Universe. Berlin: Springer-Verlag, 1990. 155 p.
17. Lenski, W. Information: A Conceptual Investigation // Information. 2010. Vol. 1. P. 74-118.
18. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. 564 с.
19. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
20. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10.С.3-19.
21. Jonscher C. The Evolution of Wired Life. New York: Wiley. 2000. 304 p.
22. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1976. 616 p.
23. Суханов А.П. Информация и человек. М.: Советская Россия, 1980. 208 с.
24. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 188 p.

25. Курилкина В.Е. Онтология информационного общества // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. № 5. С. 49-53.
26. Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб., 2007. 147 с.
27. Лазаревич А.А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания. Минск: Беларуская Навука, 2015. 537 с.
28. Floridi L. Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2015. 405 p.
29. Borgmann A. Holding On to Reality. The Nature of Information at the Turn of the Millennium. Chicago: University of Chicago Press, 2000. 282 p.
30. Hongladarom S. The Online Self. Externalism, Friendship and Games. Springer International Publishing, 2016. 171 p.
31. Гrimov O.A. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 52-50

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье обстоятельно рассматриваются социально-онтологические аспекты коммуникативных процессов в информационном обществе. Автор исходит из того, что технологическая эволюция средств коммуникации существенно изменяет сложившиеся коммуникативные практики, усложняет их «стилистику» и, в то же время, расширяет их возможности, в связи с чем, полагает он, и возникает необходимость в новом концептуальном осмыслиении феномена коммуникации в информационном обществе. В частности, автор размышляет над вопросами о том, как технологические нововведения изменяют социально-коммуникативную реальность человеческого существования, каким образом раннее приобщение детей к новым технологиям влияет на социализацию, какие новые трудности возникают в этой связи, и как указанные процессы изменяют облик современного общества. Одним из положительных моментов статьи является «сдержанная» оценка автором возможностей социально-философского анализа указанных процессов. Автор хорошо понимает их сложность и многоплановость, он далёк от «алармистских» настроений, транслируемых в СМИ, указывая на то, что сами по себе новые инструменты и технологии коммуникации не определяют направление эволюции и качество социальной реальности, а лишь привносят в него специфику, которую должны учитывать и исследователи-теоретики, и все члены современного общества, прежде всего, родители и педагоги. С указанной «сдержанностью» оценок и «скромностью притязаний» связаны, однако, и такие характеристики рецензируемого текста, которые рецензент склонен рассматривать, скорее, как негативные. Автор слишком много места оставляет в тексте для передачи высказанных другими исследователями мнений. Возможно, он полагал, что таким образом (на фоне упоминаемых взглядов) читателю станет яснее его собственная позиция, но в действительности эта тактика изложения содержания статьи делает трудноразличимым её сюжет, а именно, трудно уловить единую логику повествования, она заслоняется множеством малосущественных замечаний, препятствующих возникновению у читателя единой картины рассматриваемой проблемы. Более того, в некоторых случаях искусственная усложнённость высказываний приводит к выхолащиванию их содержания, неопределённости и даже к путанице. Вчитаемся, например, в следующую формулу

начала статьи: «...онтологическую специфику коммуникативных аспектов информационного общества, акцентируя внимание на том, как их актуальное развитие сказывается на осуществлении процессов социализации...». Если читатель задаст «наивный» вопрос, «чьё» развитие имеется здесь ввиду, то должен будет ответить, что речь идёт о ... развитии «аспектов». Конечно, автор понимает, что «аспекты» не могут развиваться, но упомянутое искусственное усложнение высказываний неминуемо ведёт его к подобным казусам. И, далее, почему «актуальное развитие»? Вряд ли автор решился бы утверждать, что возможно «потенциальное развитие», но такова уж власть слова над человеком: ставя «научность» формулировок выше простого смысла слов, мы попадаем в «капканы», предуготовляемые языком всякому носителю «авторской гордыни». Ещё один, теперь уже стилистический, казус выглядит так: «нередко встречающиеся в литературе по данной проблематике заключения ... зачастую постулируются...». «Нередко», да ещё и «зачастую»... Но если разделить их десятком учёных слов (которые в нашей цитате представлены многоточием), то заметить досадное и смешное повторение автору уже почти невозможно. А вот читатель, стремящийся понять за учёными строчками смысл, который пытается передать автор, замечает. Вернёмся, однако, к содержанию статьи, а именно, к сдержанной оценке автором возможностей социально-философского анализа рассматриваемой темы. Социальную онтологию он характеризует как «некий концептуальный фреймворк для формулирования заключений на основании эмпирических данных социального познания»: «Социальная онтология — это не сфера постулирования утверждений об основаниях существующей социальной реальности, а область разработки и применения инструментов, опосредствующих формирование социального знания, способствующих созданию формулировок продуктивных объяснений, предсказаний». Правда, в заключительной части статьи эта оценка звучит уже «нигилистически» по отношению к возможностям философии, что, с точки зрения рецензента, трудно принять: «Многоплановый характер становящейся социальной реальности и возрастание темпов ее изменения делает постановку вопроса о единых субстанциальных основаниях социальности бессодержательной». Почему «многоплановость» и «изменчивость» должны непременно исключать «постановку вопроса о единых субстанциальных основаниях социальности»? С другой стороны, хотелось бы поддержать автора в его стремлении избавить образ новых коммуникационных технологий от «демонизации», сославшись на следующее его заключение «Развитие новых коммуникативных технологий следует рассматривать как фактор усложнения процессов социализации личности ввиду возрастания числа контекстов конституирования персональной идентичности. Множественность и изменчивость персональной идентичности в пространствах, создаваемых новыми формами коммуникации ... следует связывать не с деструкцией ценностного и смыслового ядра личности, а с увеличением числа доступных практик коммуникативной самопрезентации. ... Совершенствующиеся технические средства коммуникации представляют собой технические средства, и целевая составляющая их применения всегда находится в зависимости от намерений пользователя». Действительно, история показывает, что любой подобный «кризис культуры» (широкое распространение письменности, книгопечатание и т.п.), в конце концов, вёл к открытию новых возможностей для её развития, хотя первоначально и мог восприниматься исключительно в негативном ключе. Думается, несмотря на высказанные замечания статья в целом может рассматриваться как удачный опыт рассмотрения актуальной социально-культурной проблемы, рекомендую принять её к публикации.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Цветкова О.А. — Субъект безумия в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера // Философская мысль. — 2023. — № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.8.43747 EDN: VDXAEW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43747

Субъект безумия в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера

Цветкова Ольга Алексеевна

ORCID: 0000-0003-4683-3705

Преподаватель, Кафедра Основ Клинического Психоанализа, НОЧУ ВО "Московский институт психоанализа"; Составитель, Сектор Истории Антропологических Учений, Институт Философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12

[✉ tsvetkovaolgaal@gmail.com](mailto:tsvetkovaolgaal@gmail.com)[Статья из рубрики "Психоанализ как философия"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.8.43747

EDN:

VDXAEW

Дата направления статьи в редакцию:

09-08-2023

Дата публикации:

29-08-2023

Аннотация: Предмет исследования – субъект безумия в психоанализе. Автор рассматривает проблему натуралистического и феноменологического понимания субъекта безумия в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера. Методологическую основу составляют психоанализ З. Фрейда, онтология М. Хайдеггера и феноменология Э. Гуссерля. Представлена критика классического психоанализа Л. Бинсвангером. Сформулированы ключевые отличия определения субъекта в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера. Натурализм критикуется за недостаточную целостность в рассмотрении человека. Экзистенциальный анализ основывается на идее, что первично бытие человека. Редуцировать жизнь человека до его влечений и инстинктов – значит лишать его Человеческого. Л. Бинсвангер уходит дальше З. Фрейда в своей антропологии, утверждая, что человек – больше, чем существо, заброшенное в круговорот жизни и смерти, он может смотреть в лицо своей судьбе, судьбе человечества, он не только подчиняется силам жизни, но может и влиять на них, меняя

свою судьбу. Душевное здоровье и болезнь и являются отражением этой дуальности бытия – принятие данного и индивидуальный выбор. Безумие – это отказ от трансценденции, самоизоляция в самостоятельно созданном миропроекте, когда и внешнее и внутреннее – лишь разыгрывание его сценария, а свобода бытия избегается, поскольку предстает как предвестник небытия.

Ключевые слова:

натурализм, объективизм, феноменология, психоанализ, экзистенциальный психоанализ, философия психиатрии, безумие, субъект, Dasein, Бинсвангер

В настоящее время развитие концепций трансгуманизма ставит острый вопрос о том, сможет ли существовать человек, или же его заменит нечто другое. Данная проблема актуальна не только в философском дискурсе, но и в клиническом. От того как определяется человек, зависит определение нормы и патологии, этических рамок воздействия на человека, и, в конечном счете, целей и стратегий лечения пациентов в психиатрии и психотерапии. История знает примеры злоупотребления психиатрической властью. Тенденция низведения человека от субъекта к объекту, и далее к частичному объекту, вызывает тревогу экзистенциального характера. Мы видим, что в некоторых направлениях современного психоанализа субъектность сводится к социальной агентности, интерсубъективное взаимодействие к межличностному общению и так далее. Подобное упрощение понимания человека является результатом применения научно-объективистских методов исследования к изучению человека, которые отбрасывают все то, что не может быть эмпирически доказано.

В начале XX в. в психиатрии превалировали тенденции объективизации человека, страдающего психическими заболеваниями. На фоне этого развивается психоанализ, как метод, открывающий путь к исследованию субъективного опыта.

Фрейд строго придерживался натуралистическому подходу, однако не всегда встречал в этом согласие среди коллег. Например, швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер, который первый начинает использовать психоанализ в психиатрической клинике, опираясь на опыт работы с пациентами, приходит к выводу о том, что натуралистические представления о человеке, в частности о его психике и форме психической болезни, не являются достаточными ни для понимания симптомов, ни для оказания должного психотерапевтического воздействия.

Лечение, по Бинсвангеру, возможно тогда, когда врач-психиатр и пациент формируют общее пространство Мы, на которое воздействуют оба субъекта, в то же время изменяясь под воздействием этого пространства. Развитие аналогичных идей мы видим в современном психоанализе, например, в теории поля, реляционном и интерсубъективном психоанализе. Сравнительный анализ этих направлений показывает, что в их основе лежит различное определение субъекта психоанализа. В связи с этим по-разному расставляются акценты в аналитическом процессе.

Натуралистическое представление Фрейда легли в основу постулата о том, что над субъектом довлеют инстинкты. Бинсвангер же дополняет эти посылки онтологическими основаниями человеческого бытия. Он утверждает, что человек – это не только Homo Natura, но «просвет бытия», Dasein. Он развивает психоаналитическую теорию в контексте феноменологии Гуссерля и онтологии Хайдеггера. В конечном счете, по Бинсвангеру, безумие имеет не органическую природу, а является способом бытия в

мире. Формирование Мы-пространства, в свою очередь возможно только при интенциональной направленности субъекта на реализацию онтологической априори к Мы-бытию.

Психоанализ никогда не был исключительно клиническим методом исследования. Концепции психоанализа всегда исходили из психологии как раздела медицины и перемещались в область философских и социологических наук. Именно это делает столь важным формулирование определения субъекта психоанализа, другими словами – ограничивается ли человек своей биологической природой, или представляет собой сущность, способную к трансценденции не только в собственном бытии, но и в бытии-вместе.

До XIX в. психология существовала в русле философии и не выделялась как отдельная дисциплина. Зигмунд Фрейд внес значительный вклад в это разделение, в особенности за счет своей приверженности научной методологии, что в дальнейшем станет одним из основных пунктов в разногласиях между психоанализом и феноменологической философией. «Фрейд еще из последних сил пытался оставаться в рамках онтологии XIX в. Формально ему это удавалось, но лишь на первых порах. Уже его вторая и третья теории психического аппарата – гипотеза об инстанциях Эго, Ид и Супер-Эго и постулирование наряду с инстинктом жизни влечения к смерти – полностью разрушали представления обыденной психологии» [\[1, с. 527.\]](#).

Перед Фрейдом стояла задача ввести в клиническую психиатрию метод исследования бессознательного, которое оставалось вне научного дискурса. На психоаналитические концепции Фрейда обрушилась критика психиатрического сообщества и это создало дополнительную необходимость оставаться в рамках медицинского подхода. Ему это удалось посредством формулирования нового метода лечения психических заболеваний.

Доктрина психоанализа была понята Фрейдом как надстройка, которая в итоге имела в качестве своей основы органическую структуру. Он подробно это описал в метapsихологической теории, исходя из которой, ход и значение жизни человека основаны на телесных процессах.

Фрейд стал ярким представителем сциентизма, в его теории ум превратился в вещь, инкапсулированный объект, содержащий сознание и бессознательное. Стремясь соответствовать научным принципам, он снова подвергся критике, теперь уже со стороны философов.

Согласно Хайдеггеру, подход Фрейда игнорировал онтологические характеристики того, что значит быть человеком, то есть, Фрейд просто не видел «просвета». З. Фрейд некритически воспринял фундаментальные предпосылки метафизической, эпистемологической традиции, из которой возник психоанализ – картезианства и кантианства [\[2\]](#). Конечным результатом было то, что Фрейд исключил бытие.

Хотя З. Фрейд был убеждён в том, что его метапсихология может служить основой для философской мысли (а также для всех гуманитарных исследований), Мартин Хайдеггер был потрясён использованием сциентизма в качестве средства для понимания смысла человеческого существования. М. Хайдеггер настаивал, что именно философия лежит в основе нашего понимания любого бытия вообще.

Хайдеггер считал «фатальным» разделение сознания и бессознательного Фрейдом. В духе научного мышления Фрейд постулировал «полное объяснение психической жизни»

(психоаналитическую историю болезни), то есть непрерывность причинных связей в психической жизни. Поскольку в сознании есть пробелы, Фрейд считал необходимым использовать бессознательное в качестве базовой конструкции для объяснения непрерывности [3].

Несмотря на критику М. Хайдеггером психоанализа З. Фрейда, главным образом, за сциентизм, игнорирование онтологических оснований бытия человека и разделение бытия-в-мире (*Dasein*) на психику, тело и внешний мир, именно герменевтическая феноменологическая онтология Хайдеггера послужила основным импульсом для взаимодействия феноменологии с психоанализом. Дальнейшее установление взаимодополняющих связей между мировоззрениями Фрейда и Хайдеггера, в частности в интерпретации Л. Бинсвангера, позволяет получить более полное понимание человека в целом [4, с. 131].

Предположение, что бессознательные процессы являются просто физиологическими, понятно с точки зрения психологии XIX в., когда оно было предложено Францем Брентано или Уильямом Джеймсом. Объективистская концепция реальности некритически принималась академической психологией в течение почти 100 лет. Объективизм стал доктриной, тиранически навязанным методом исследования человека [5].

В XX в. объективистский метод принёс большие плоды в естественных науках, но его применение к гуманитарным наукам основывается на эпистемологической позиции, что ничего неизмеримого не существует, в том числе в исследовании человека. Исключение субъекта из психологии и объективизация в культуре в целом усилили редукционизм, в результате чего психопатологи часто довольствуются характеристикой психотического переживания как нарушенной функции внимания, восприятия и познания или как расстройства чувства времени.

Применяя объективизм в исследовании человека, утрачивается природа человеческого бытия. Американский психоаналитик Фрэнк Саммерс утверждает, что познать человека можно только методом, противоположным объективизации, позволяющим изучить его способ существования в мире. И это невозможно сделать издалека, это можно понять только через познание его собственного представления о своем существовании и отношениях [5].

Истинное понимание человека не может измеряться объективистскими методами. Не может быть сознания без мира, и нет осознания мира без сознания, как утверждает Ф. Саммерс. Они даны совместно. В любом опыте мир наделён смыслом. Быть субъектом – значит наделять мир смыслом. Быть человеком – значит относиться к миру, жить в нем, а не просто занимать пространство, как это делает материальный объект. Как показал М. Хайдеггер, человеческое существование никогда не является объектом. Вместо этого «*Da*» в *Dasein* означает способность открываться тому, что дано [6].

Субъективный разум можно понять не только путем описания общих механизмов, но и путем понимания его единичных и несводимых аспектов. Роберт ван Гулик пишет: «Феноменальный опыт – это не просто последовательность качественно выделенных чувственных идей, но, скорее, организованный когнитивный опыт мира объектов и нас самих как субъектов в этом мире» [7, с. 91]. Понимание и другие связанные виды возникающих психических состояний и процессов часто отягощены отчетливым феноменальным характером, который не является сенсорным и по своей сути включает интенциональное содержание того, что понимается.

Примат опыта в познании Другого и есть подход к пониманию человека, который следует из философии М. Хайдеггера. Попытка сформулировать невыразимое и осознание аналитиком собственного опыта пациента составляют способ отношения, который нельзя измерить никакими объективистскими методами. «Размышляя об онтологической природе человеческого бытия, способ изучения человеческого существа – это погрузиться в то существо, которое вы надеетесь познать, что является полной противоположностью объективации. Понимание вовлекает людей в то, как они живут в мире, их способы существования в этом мире. И это невозможно изучить издалека; это можно понять, только войдя в их способы существования и отношений. Разве это не подходящее описание современного психоанализа?» [\[5, с. 40\]](#). Клиническая практика психоанализа со временем пришла к формулированию особого мировоззрения, основанного на убеждении, что человеческий опыт нельзя понять в объективных терминах.

В конце XIX века развернулась обширная критика позитивизма. В это же время проблема шизофрении становится центральным вопросом психиатрии. Для понимания патологического мира душевнобольного Людвиг Бинсвангер обращается к психоанализу, но не находя его достаточным, дополняет метод идеями онтологии М. Хайдеггера и феноменологии Э. Гуссерля [\[8; 9\]](#). Так он формулирует метод экзистенциального анализа, а безумие становится предметом исследования не только психоанализа, но и феноменологической психиатрии и философской антропологии.

Л. Бинсвангер ценит психоанализ именно за попытку проникнуть во внутренний мир больного, установить понимание его субъективных смыслов и ценностей [\[10\]](#). С другой стороны, он критикует Фрейда за его редукционизм и попытку описать искусство и мораль – творения человеческого духа, с точки зрения влияния инстинктов. Критика естественнонаучного натуралистского подхода Фрейда к пониманию человека представлена в статье Бинсвангера «Фрейд и его концепция человека в свете антропологии» [\[11\]](#).

Фрейдистский психоанализ рассматривал человека как совокупность отдельных инстинктов и механизмов и игнорировал проблему самости в целом. Он не мог решить важнейшую проблему человека – проблему самоопределения. Основная тема, которую Л. Бинсвангер обнаружил во всех своих клинических случаях, – это фанатичное, отчаянное стремление пациентов к достижению какого-то одного идеала или жизненной цели. Именно по отношению к этому идеалу они чувствовали себя неадекватными, подвергались обвинениям и презрению со стороны других и самих себя, именно этот идеал причинял их существу наибольшее страдание.

Бинсвангер считал науку таким же модусом экзистенции, как искусство и религию, и, следовательно, не способную дать целостное представление о человеке. Научные конструкции не способны описать опыт индивида, который должен быть выражен на его собственном языке, на языке его личностных смыслов [\[12\]](#). Мир человека, в том числе мир душевнобольного, задан его настроенностью, его можно постигнуть через осмысление присущих этому человеку тревог и эмоций. Он считает мир безумца таким же осмысленным, как и мир любого другого человека, просто смыслы у него отличные, у него своя реальность, также как и у каждого. Он отрицает существование единой для всех реальности, в отличие от психоанализа и психиатрии.

При первоначальном изложении экзистенциальной точки зрения Л. Бинсвангер счел необходимым развивать антропологию, которую он объявил предпосылкой гуманистической психологии. В одной из своих статей о З. Фрейде он заявил, что

естественнонаучный подход к человеку, воплощенный Фрейдом, – подход, который рассматривал человека только с точки зрения механизма и организма, никогда не сможет объяснить, почему человек берет на себя божественную миссию продуктивного труда в поисках научной истины, почему он превращает эту миссию в смысл своего существования.

Л. Бинсвангер предпринял одну из первых попыток систематического концептуального анализа психоаналитической теории. Он сформулировал структуру психоаналитической теории, состоящую из трех уровней – персоналистического, механического и биологического. Именно первый уровень отличает его от современной ему клинической психиатрии и академической психологии [\[13\]](#).

Ключом к подходу Л. Бинсвангера была новая интерпретация основных психоаналитических тем в том, что можно было бы назвать глубинной антропологией [\[14\]](#). Все биологические термины были заменены терминами идентичности.

Но Бинсвангер не игнорировал психологические и межличностные измерения мира пациента в угоду философским абстракциям. Скорее, он пытался показать, что его антропологические категории были более глубоким смыслом этих психических конфликтов и отношений. Чувство конечности и потребность пациента в безопасности были воплощены и усилены его родительской средой, его зависимыми отношениями, противоречивыми идентификациями и карательной совестью, маниакальный триумф был фантазийным бегством от неспособности достичь самоинтеграции через какие-либо отношения [\[15\]](#).

Бинсвангер пишет о существующем противопоставлении естествознания и феноменологии, главным различием которых является то, что естествознание имеет отношение к реально существующим вещам или процессам природы, а феноменология, с другой стороны, к явлениям, видам или формам сознания, которые не принадлежат природе, но имеют бытие, которое можно постичь «в прямом видении». Субъект схватывает акт внешнего восприятия не во внешнем восприятии, а во внутреннем – во внутреннем чувстве, внутреннем опыте или интроспекции. Здесь особенно заметно влияние интуитивизма С.Л. Франка [\[16\]](#).

Натуралист рассматривает акт внешнего восприятия как естественный процесс, как реальное явление, реальную функцию в психическом организме. Феноменология, хотя сама по себе является научной доктриной, возвращает к очень простому созерцанию явлений, учит принимать только то, что было действительно увидено, и осторегаться смешивать то, что увидено с любой теорией, как бы хорошо она ни была обоснована.

Психопатология и феноменология, как считал Бинсвангер, нуждаются друг в друге для более целостного понимания психических процессов. В основе психопатологии лежит прежде всего восприятие окружающих, восприятие Другого или чужого Я, гораздо реже своего [\[17\]](#). Объект исследования должен быть схвачен не внутренним чувством или самоанализом, а способом восприятия. Но, по Шелеру, восприятие других есть также своего рода «внутреннее» чувственное восприятие, с помощью которого субъект непосредственно схватывает события чужой души. Базовые понятия феноменологии необходимы для того, чтобы суметь уловить сущность человека и зафиксировать ее феноменологически.

Суть феноменологического рассмотрения психопатологических явлений состоит в том, что они никогда не рассматриваются в качестве изолированных явлений, но всегда

происходящих на фоне бытия человека, то есть как выражение или проявление человека. В конкретном явлении человек дает информацию о себе, и наоборот, через явление можно увидеть человека.

Естественнонаучный подход интегрирует внешнее восприятие в процессы ощущения, ассоциации и воспоминания, которые из него выводятся, и приводит их в связь с психологическими, нейрофизиологическими и другими теориями. Феноменологический же подход разбивает восприятие на характеристики отношений между воспринимающим субъектом и воспринимаемым, что дано внутреннему восприятию и может быть найдено при углубленном исследовании самого себя.

Л. Бинсвангер считал, что ничего не возможно понять о безумии, относясь к душевнобольному как к не вовлеченному, то есть как к внешнему объекту [\[18\]](#). Неизбежную основу психиатрии составляет Dasein.

До тех пор, пока психиатрия не осознала, что ее подлинной основой является человеческое существование как бытие-в-мире, как считал Бинсвангер, она вынуждена будет оставаться конгломератом разнородных научных концепций понимания и методов, возникших исключительно из научной парадигмы.

Истинная встреча психотерапевта и больного будет заключаться в возможности терапевта открыться миру пациента. Чтобы пациент вернул себе способность быть самим собой, смог открыться своему существованию, ему необходимо показать, что он пока в своем мире закрыт [\[19\]](#). Однако, в отличие от психоаналитических методов Фрейда, психотерапевт не будет объяснять историю жизни пациента в соответствии с какими-либо учениями и категориями, и вообще не будет облекать ее в теоретические термины, такие как принцип удовольствия или реальности, Эго, Ид и Супер-Эго, сексуальные и агрессивные влечения, скорее он классифицирует историю жизни пациента с точки зрения ее экзистенциальных структур и будет исследовать историю структурных изменений. Это означает, что психотерапевт действует как активный участник на сцене мира психически больного, его языка и его символики, для того чтобы постепенно вернуть их к языку и миру естественного опыта. Таким образом, анализ Dasein будет психотерапевтически эффективен только в той мере, в какой эта встреча возможна и со стороны пациента [\[20\]](#).

Хайдеггеровский поворот в творчестве Бинсвангера относится к 1930-ым годам, но уже с 1910-х годов он критиковал анатомопатологический подход современных ему психиатров (Э. Крепелина, К. Вернике), предполагающий неврологическое описание психиатрических болезней. Именно поэтому он был вынужден обратиться к психологии в поиске «научного метода» для исследования субъективной природы психических фактов.

В то же время критика академической психиатрией психоанализа З. Фрейда строилась именно на обвинении в отсутствии «научности». В ответ на это Л. Бинсвангер стремился придать психиатрическим знаниям новый вид научности, которая бы отличалась от естественнонаучной парадигмы и эпистемологической структуры, свойственной медицинской психиатрии начала XX в. В первую очередь экзистенциальный подход Бинсвангера стремился прояснить природу и статус шизофрении. Тем не менее, критика экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангера заключается в недостаточной эффективности метода лечения, а также в обвинении швейцарского психиатра в переформулировке психоанализа на язык феноменологии.

Обращение Л. Бинсвангера к феноменологии часто связывают с его приверженностью

антинатурализму. Однако помимо его намерения отказаться от исключительно физиологического понимания безумия, свойственного современному ему психиатрическому движению, ему было необходимо создать эпистемологическую систему, способную произвести антропологический поворот в психиатрии [21], заключающийся в отказе от восприятия патологического опыта как аномального, и понимание его через призму феноменологического понятия *Dasein* – как иного способа структурирования бытия человека.

Концепция миропроекта Бинсвангера предполагает, что Человек способен к трансценденции и она может быть осознанной, осмысленной и волевой. Когда человек начинает рассматривать собственное поведение как продукт болезни, это противоречит сохранению понимания себя как морально компетентного человека, который остается ответственным за себя и свои поступки. Предположение о том, что человек психически болен и что его поведение иногда вытекает из его болезни, не дает решающих оснований для того, чтобы воспринимать себя просто как пациента, а не как человека, который сохраняет свое достоинство перед лицом закона и собственной жизни.

В то же время, отказываясь от биологического измерения бытия, человек лишается своей телесности. Человеческое действительно несводимо исключительно к ней, но и невозможно без нее. Человек – это всегда бытие-в-мире. Бытие вне мира, как и бытие вне телесности – невозможно.

Линия феноменологической антропологии Бинсвангера находит развитие в феноменологической психиатрии и экзистенциальном психоанализе, однако, в общем потоке современных психоаналитических исследований, она имеет критически малую долю.

Библиография

1. Руднев В.П. Энциклопедический словарь безумия. М.: Гнозис, 2013.
2. Askay R., Farquhar J. Being unconscious: Heidegger and Freud // The Oxford Handbook of Philosophy and Psychiatry. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1227–1245.
3. Фрейд З. Набросок психологии: критически-историческое исследовательское издание. Ижевск: Ergo, 2015.
4. Askay R., Farquhar J. Of Philosophers and Madmen A disclosure of Martin Heidegger, Medard Boss, and Sigmund Freud. Amsterdam, New York, N.Y.: Rodopi B.V., 2011.
5. Summers F. Psychoanalysis, the Tyranny of Objectivism, and the Rebellion of the Subjective // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. Int. J. Appl. Psychoanal. 2012. No. 9(1). P. 35–47.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015.
7. Giampieri-Deutsch P. Psychoanalysis: Philosophy and/or Science of Subjectivity? Prospects for a Dialogue Between Phenomenology, Philosophy of Mind, and Psychoanalysis // Founding psychoanalysis phenomenologically. Phenomenological theory of subjectivity and the psychoanalytic experience. Heidelberg: Springer, 2012. P. 83–103.
8. Binswanger L. Analyse existentielle et psychanalyse freudienne. Paris: Gallimard, 1970.
9. Binswanger L. Daseinsanalyse, Psichiatria, Psicoterapia. Milano: Raffaello Cortina Editore, 2018.
10. Basso E. L'épistémologie clinique de Ludwig Binswanger (1881–1966): la psychiatrie comme science du singulier // Histoire Médecine et Santé. 2014. No. 6. Pp. 33–48.

11. Бинсвангер Л. Фрейд и его концепция человека в свете антропологии // Бытие-в-Мире. М.: Рефл-бук. 1999. С. 19–51.
12. Binswanger L. On the Relationship Between Husserl's Phenomenology and Psychological Insight // Philosophy and Phenomenological Research. 1941. No. 2(2). Pp. 199–210.
13. Binswanger L. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 1922.
14. Izenberg G.N. The Existentialist Concept of the Self // The Existentialist Critique of Freud. The Crisis of Autonomy. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 218–232.
15. Lanzoni S. The enigma of subjectivity: Ludwig Binswanger's existential anthropology of mania // History of the human sciences. 2005. No. 18(2). Pp. 23–41.
16. Франк С.Л. Реальность и человек. Минск: Белорусский Экзархат, 2009.
17. Lanzoni S. An Epistemology of the Clinic: Ludwig Binswanger's Phenomenology of the Other // Critical Inquiry. 2003. No. 30 (1). Pp. 160–186.
18. Binswanger L. Der Mensch in der Psychiatrie // Ausgewählte Werke. Band 4. Herausgegeben und bearbeitet von Alice Holzhey-Kunz. Kröning: Roland Asanger Verlag Heidelberg, 1994. P. 57–72.
19. Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York, London: Basic Books, 1963.
20. Frie R. Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: a Study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas. Boston: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1997.
21. Basso E. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project // Medicine Studies. 2012. No. 3. Pp. 215–232.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья представляет собой интересный, хотя и несколько «неупорядоченный», рассказ об одном из важных аспектов психоанализа, связанном с пониманием «природы человека». Говоря конкретнее, автор предлагает оценить нововведения, связанные с проникновением в психоанализ некоторых установок феноменологии и экзистенциализма. Исследование построено на основании широкого круга (в основном, достаточно специальной) литературы, автор обладает несомненной эрудицией и хорошо разбирается в существе обсуждаемых им вопросов, причём это относится и к философской составляющей исследования. Необходимо отметить также, что текст практически не даёт поводов для упрёков в низком уровне стилистики, пунктуации и т.п. (на что, к сожалению, в последние годы приходится часто обращать внимание в процессе рецензирования). Не приходится сомневаться, что статья способна вызвать интерес широкой читательской аудитории, хотя знакомство с текстом и провоцирует рецензента на то, чтобы высказать целый ряд критических замечаний. Трудно назвать удачным название статьи, оно (может быть, вследствие «избыточной метафоричности») не вполне соответствует содержанию текста. Нет в статье ясно написанного введения, что принципиально для правильного понимания читателем замысла и, соответственно, оценки полноты его реализации. Автор ставит вопрос о сопоставлении «натуралистического и феноменологического представлений о человеке

в психоанализе начала XX века, в частности рассматривает субъект безумия». Однако, что при этом понимается под «феноменологическим» и «натуралистическим» представлениями, в явном виде не раскрывается. «Неожиданно» в тексте появляется упоминание о Бинсвангере (в действительности, он и станет «главным героем» предстоящего повествования, но почему тогда его имя не вынесено в название статьи?), затем – и снова весьма «хаотично» – появляются имена и отдельные идеи Фрейда, Гуссерля, Хайдеггера и т.д. Но способны ли подобные реплики заменить определение того, что представляет собой «феноменологическое» представление о человеке в психоанализе, и в чём состоит его отличие от «натуралистического» представления? В отдельных случаях, очевидно, необходимы дополнительные разъяснения значений и других терминов, которые употребляет автор. Например, то же упомянутое «появление» Л. Бинсвангера оформлено следующим образом: он «обращается к философии с тем, чтобы расширить понимание субъекта психоанализа, включив в него его духовные и трансцендентные начала». «Духовные начала» вопросов не вызывают, но что такое «трансцендентные начала»? Думается, продолжение работы над отмеченными недостатками способно придать исследованию законченный вид. Представленный вариант статьи имеет небольшой объём (0,5 а.л. без учёта библиографии), поэтому автор имеет возможности уточнить и конкретизировать фрагменты, вызывающие вопросы или недоумение читателя. На основании сказанного представляется правильным заключить, что даже с учётом высокой оценки научного содержания текста автору требуется время для устранения замечаний, рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Субъект безумия в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера» выступает психоаналитическая теория, на начальных этапах ее формирования. Автор противопоставляет сциентистский подход в исследовании психических болезней, так называемую «доказательную психиатрию» и антисциентистский, ориентированный на философские методы понимания человека. Симпатии автора всецело со второй установкой, олицетворением которой является теория швейцарского психиатра Людвига Бинсвангера. Обнаруживаемая дилемма, которую можно выразить как «изучение больного как физиологического объекта» и «рассмотрение больного в связке с бытием-в-мире», представлена в статье методом Зигмунда Фрейда, в первом случае, и Людвига Бинсвангера, во втором. Целью автора является демонстрация необходимости рассмотрения человека в рамках психологии не только как физиологического субъекта, но и экзистенциального существа, чье бытие определяется не только инстинктами, но, в значительной мере, смыслами и интерпретациями окружающей реальности. Именно Бинсвангер сформулировал структуру психоаналитической теории, состоящую из трех уровней – персоналистического, механического и биологического, направленную на преодоление объективации пациента психоанализа.

Методология исследования – сравнительный анализ центральных установок различных психологических концепций.

Актуальность своего исследования автор связывает с необходимостью определения сущности человека, от которого, зависит определение нормы и патологии, этических рамок воздействия на человека, и, в конечном счете, целей и стратегий лечения

пациентов в психиатрии и психотерапии. Вспоминая популярность концепций трансгуманизма, автор видит остроту решения вопроса о том, сможет ли существовать человек, или же его заменит нечто другое.

Научная новизна заключается в систематическом сопоставлении теории З. Фрейда и его последователей, видящих психику человека, как продолжение его физиологических процессов, по существу «инстинктов» и подхода Л. Бинсвангера, привлекающего для понимания психологических патологий аналитический опыт феноменологии и Э. Гуссерля и экзистенциалистских установок М. Хайдеггера.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание статьи раскрывают ключевой тезис автора – до тех пор, пока психиатрия не осознает, что ее подлинной основой является человеческое существование как бытие-в-мире, она вынуждена будет оставаться набором разнородных научных концепций, далеким от понимания природы человека и его болезни. Правильной установкой автору статьи представляется практика Бинсвангера, направленна на то, чтобы врач-психиатр и пациент формировали общее пространство Мы, в котором только и возможно решать проблемы, связанные с психическими заболеваниями, главным образом, шизофренией.

Библиография включает 21 наименование источников, большинство из которых иностранные.

Апелляция к оппонентам составляет сильную сторону статьи. Автор не просто излагает учение Зигмунд Фрейда и предлагает его критику, или знакомит читателя с идеями Людвига Бинсвангера, он воспроизводит широкий контекст развития психоанализа от основателей объективистской концепции Ф. Брентано и У. Джеймса, до критик их позиции Робертом ван Гуликом и критики понимания человека З.Фрейдом со стороны М. Хайдеггера.

Статья будет интересна исследователям психоаналитической теории, философской антропологии, феноменологии и онтологии Хайдеггера.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Плюснин Л.В., Петрова Г.И. — Экосистемная рациональность – философский дискурс мышления о современном мире и его будущем // Философская мысль. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.8.43561
EDN: WCMCIB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43561

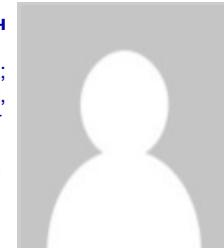
Экосистемная рациональность – философский дискурс мышления о современном мире и его будущем

Плюснин Лев Витальевич

Младший научный сотрудник Института образования Томского государственного университета;
старший преподаватель, кафедра Онтологии, теории познания и социальной философии,
Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Ленина, 34, оф. а

✉ levplusnin@gmail.com

Петрова Галина Ивановна

доктор философских наук

профессор, кафедры Онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный
исследовательский Томский государственный университет; ведущий научный сотрудник Института
образования Томского государственного университета.

634050, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Ленина, 34а

✉ seminar_2008@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.8.43561

EDN:

WCMCIB

Дата направления статьи в редакцию:

12-07-2023

Аннотация: Данная статья полагает предметом исследования поиск специфической формы рационального мышления о будущем. Объектом исследования, в этой связи, выступает рациональное мышление в специфике его сущностных характеристик и историко-философских формах проявления. В качестве рациональности релевантной предлагается и обосновывается экосистемная рациональность как та методологическая позиция, которая отвечает специфике исследования современной онтологии социальной реальности. Настоящее исследование использует следующие исследовательские методы: системный анализ, обеспечивающий целостное видение человека в ракурсе его

деятельности. Этот метод позволил предложить понятие экосистемной рациональности. Системный анализ дополнен в статье методом сравнения, когда различные типы рациональности (классический, неклассический и постнеклассический) рассматриваются в потенциальных возможностях своих форм мыслить о социальной реальности будущего. Использовался метод контент-анализа и анализа библиографических публикаций отечественных и зарубежных авторов, которые позволили использовать метод систематизации и обобщения на основе критерия: природно-социально-антропологического единства. В статье на основе обобщения литературы улавливается тенденция формирования экосистемной рациональности, как той формы современного постнеклассического рационального мышления, которая отвечает специфике исследования современной социальной реальности и ее будущих проявлений. Разрабатывается понятие, даются основные характеристики, определяется специфическое предназначение экосистемной рациональности, которая, оставаясь научной (т.е. показывающей рациональный путь к истине), выходит за рамки только науки и на основе своих эпистемологических критериев предлагает рациональные способы мышления о социальности в целом. Специфика рационального мышления в этой форме состоит в способности быть направленным на многовекторность и нелинейность социального развития, фасетность теоретического взгляда, способного схватить сетевое состояние настоящего как предвестия будущего. Научная рациональность в экосистемной форме приобретает философско-мировоззренческое значение и предстает в качестве инструмента мышления, возможного для использования современной социальной эпистемологией в ее исследованиях будущего.

Ключевые слова:

экосистемность, рациональность, исследование будущего, классическая рациональность, неклассическая рациональность, постнеклассическая рациональность, экосистемная рациональность, форсайт, мышление о будущем, экософия

Введение

Актуальность. В связи с пророчествами различного рода «концов», «сумерек», «деконструкций» («конец истории», «смерть человека», изгнание субъекта с «его королевского места», «сумерки богов» и пр.) желание увидеть будущее приобрело сегодня характер насущной необходимости. Вопрос стоит актуально уже потому, что человек в XX и XXI вв. впервые в истории узнал о собственном возможном конце в будущем не только как индивида, но и как рода в целом. Об этом говорят и серьезная социальная напряженность в мире, и высокие милитаристские технологии, грозящие с их помощью решать социальные конфликты, и пока не проясненные результаты, которые несет искусственный интеллект не только с его преимуществами перед человеком, но и с его угрозами человеческому существованию. Забота о будущем в наше время характеризует самые разные сферы социальной практики: управление (стратегические и форсайт сессии), образование (его непрерывность, индивидуальные образовательные траектории, опережающая подготовка), образ жизни (зло и добро, причины человеческой агрессии, искусственный интеллект и пр.), культура (социокультурное будущее многополярного мира) и т.д. Этот набор практик, конечно, за основу в качестве отправной точки берет некоторую картину будущего. Существует множество методов создания этой картины (how-to answers) [\[1, с. 25\]](#): «Французская сценарная школа» [\[2, с. 1488-1492\]](#) [\[3\]](#), Делфи [\[4\]](#), Многоуровневый анализ причин [\[5\]](#), подходы Интегрального

будущего [\[6\]](#), Системного форсайта [\[7, с. 120-137\]](#), Быстрого форсайта [\[8\]](#) и пр.

Практическая работа, связанная с конструированием будущего, часто использует понятия «экосистема», «экосистемный подход», «экосистемность» как его (будущего) характеристики. Так, уже в начале XXI в. велась работа над международной программой «Экосистемы и благосостояние человека», доклад о результатах которой «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» опубликован [\[9\]](#). Заявленный подход и используемый термин требуют теоретической разработки и обоснования. Такая цель реализуется, например, в диссертационных исследованиях по проблемам предвидения и прогнозирования [\[10\]](#)[\[11\]](#)[\[12\]](#)[\[13\]](#). Есть множество публикаций (философского и научного профиля), посвященных вопросам, где ключевым словом также оказывается «экосистемность» [\[14\]](#)[\[15\]](#)[\[16\]](#)[\[17\]](#) в применении к исследованию настоящего с его произошедшими уже в XXI в. трансформациями, которые, очевидно, готовят будущее. Можно полагать, что именно экосистемная форма мышления дает возможность всматриваться (прогнозировать, предвидеть, проектировать, обозначать горизонты и пр.) в будущее с позиций настоящего.

Проблема статьи, таким образом, связана с разработкой экосистемной рациональности как инструмента мышления, релевантного основным векторам развития современной социальной реальности в ее движении к будущему. Трудность работы состоит в том, что при решении поставленной проблемы необходимо, конечно, исходить из специфики образа (картины) будущего, то есть из картины того, чего еще нет. Какая форма рациональности может быть релевантной для мышления и конструирования будущего – это проблемный вопрос статьи. Перформативность философского знания, не являющегося знанием рецептурным, но предлагающего теоретические рассуждения по поводу той или иной проблемы, в данном случае обнаруживает себя в отложенной практике, в мыслительном конструировании будущего. Первый корень слова «экосистемная» взят от понятия «экология» и говорит о том, что объектом этой формы рациональности является природа, однако не в ее девственности, но в состоянии, непосредственно, системно и тесно увязанном с человеком. Природа сегодня, получив антропогенное воздействие, существует только в целостности с человеком, социально, технически и культурно ее преобразовавшем. С другой стороны, и сам человек в своем биологически-природном существовании тоже подвергся изменениям, получая, например, протезные (продлевающие его биологическую жизнь) формы существования, или (в случае, например, с ИИ) уже сегодня получая предупреждение о возможности отказа от своей биологической специфики. Экосистемность – понятие, свидетельствующее о новой среде обитания человека в природе, обществе, культуре – в их тесно сплетенной целостности. Эта среда несет на себе социокультурные и философско-мировоззренческие коннотации и не может уже быть исследованной лишь в рамках научного Логоса (эко-логии, био-логии или зоо-логии), она – прерогатива широкого философско-мировоззренческого осмысления. Понятие об экологии расширило свое значение, утратив смысл только учения о доме (*oikos*) как природе, и обогатило свое содержание за счет включения в него человека, культуры, общества, техники, науки как деятельности. Возникла экосистема – дом как система разных структур, в которых человек находит свое место: это его местопребывание, которое нуждается в изучении не только научным логосом, но и методами социального и экзистенциально-антропологического характера, которые допускают в качестве познавательных средств веру, чувство, интуицию, понимание, переживание и т.п. Сохраняя свое место в науке – в биологии, – экология приобрела в то же время характер философского, социально-антропологического знания: в нем слышится в качестве экологического кредо призыв

беречь не только природную среду обитания, но беречь мир в целом, сохранить его для будущего человеческого, социокультурного и природного существования. Мир – это та экосистема, связи которой – разносторонние, многовекторные – востребовали экологическую логику, которая может работать с хаосом, являя из него порядок (И. Пригожин).

Цель статьи – представить и обосновать форму рационального мышления – экосистемную рациональность, – с методологической помощью которой можно было бы иметь суждения о целостности современного мира как дома человека, его местопребывания как тесного единства и сплетения природы, человека, культуры, социальности. Такой *oikos* – это экосистемная современная реальность. В своей многосторонности, и единстве множественности, в разновекторности развития она нео-предел-енна (не имеет конкретных и статичных пределов-границ) и потому не схватывается строгим и чистым Логосом, трудно удерживается в закономерностях развития. В экосистемном образе современная реальность идет к будущему.

В методологическом обосновании статья исходит из понятия научной рациональности (В.С. Швырев, В.С. Степин) и интерпретации идей по поводу поставленных вопросов таких отечественных авторов, как Л. Гудков, Д. Песков, П. Лукша, М. Кожаринов, И.Т. Касавин, З.А. Сокулер, В.Н. Порус, С.В. Пирожкова и пр. Западные авторы представлены именами Ф. Гваттари, М. Хайдеггера, Ж.-Л. Нанси, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, К.-О. Апеля и др. Работы названных авторов дают основание говорить о серьезных трансформациях реальности современного мира, представшего в экосистемной целостности, единении, переплетении и сцеплении ее различных элементов (природных, социальных, антропологических), что и позволяет утверждать о рождении экосистемной рациональности как новой формы постнеклассического мышления. Гипотетично полагаем, что именно эта форма может быть релевантной для мышления и конструирования будущего.

Исследовательским методом, который ориентировал на решение поставленной проблемы, явился, конечно, системный анализ, обеспечивающий целостное видение человека в ракурсе его деятельности, вплетающей его в природу, изменяющей ее и собственное состояние тоже. Именно этот метод позволил предложить понятие экосистемной рациональности в качестве релевантного для мышления о будущем. Методы практической работы с будущем – предвидения, прогноза, проектирования, социальной экспертизы и т.п. – пока не затрагиваются. Системный анализ дополнен в статье методом сравнения, когда различные типы рациональности (классический, неклассический и постнеклассический) рассматриваются в потенциальных возможностях своих форм мыслить о социальной реальности будущего. Использовался метод контент-анализа и анализа библиографических публикаций отечественных и зарубежных авторов, которые привели к возможности использовать метод систематизации и обобщения на основе конкретно критерия – природно-социально-антропологического единства. Конечно, в обосновании понятия экосистемной рациональности помог и метод междисциплинарности исследования.

Обсуждение

1. Экосистемность современного мира: вызовы рациональному мышлению

Философская рефлексия относительно современной реальности обнаружила себя в экстравагантных, с точки зрения классической философии, заявлениях: «природы больше нет» [18] «Мир» онтологически не есть определение сущего..., но черта самого

присутствия» [19, с. 64]; только в горизонте идеи о бытии вообще «можно провести различие между экзистенцией и реальностью. Обе подразумевают все-таки бытие» [18, с. 314] «человек “запрограммирован” Бытием и принадлежит своему существу лишь постольку, поскольку слышит требование Бытия. Стояние в просвете (Lichtung) бытия я называю экзистенцией человека», которая состоит, «конечно не в том, что он становится субстанцией сущего в качестве его “субъекта”, чтобы на правах властителя бытия утопить его (сущего) бытийность [19, с. 117, 212, 314]; «Сегодня недостаточно мыслить для того, чтобы быть, как заявляет Декарт» [20, с. 35].

Как бы подводя итог всем подобного рода рассуждениям в литературе констатируется возникновение нового способа мышления – экософского – и новой сферы философского знания, констатирующего единение человека, природы, общества и культуры, – экософии. «Экософская проблематика – это человеческое существование в исторических контекстах, которые характеризуются новыми экологическими регистрами (единством трех экологий) – окружающей среды, социальных отношений и человеческой субъективности» [20, с. 28, 34].

Подобного рода рассуждения имеют к теме статьи отношение в той мере, в какой они ориентируют на новое видение местопребывания человека и новое метафизическое зрение его рациональной мысли. Новизна состоит в том, что, зрение и мышление, будучи научно-рациональными, направлены не только на науку, обусловливая принципы открытия научной истины, но формируются в результате рационального исследования специфики всей среды обитания человека. Экосистемная новизна бытия запрашивает такое зрение человека как инструмент его мышления, которое помещает традиционные эпистемические критерии науки в целостность системы философских, этических, антропологических, духовных, эстетических и т.д., и.п. характеристик. Что конкретно обосновывает этот запрос?

Во-первых, указанная новизна получает обоснование в том, что онтологическая проблематика, предполагающая изначальный тезис о дихотомии человека и бытия, сегодня трансформируется и базирует себя на видении их системной целостности. Аргументируя это положение, можно сослаться на понятие «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера, где расставлены специфические акценты в связи с введением в онтологию антропологических категорий – «открытость», «понимание», «забота», «расположение», – и где человек определяется в категориях «dasein», «Присутствие», «понимание бытия», «бытие-в-мире». Человек «открыт» в само бытие, благодаря чему, оно ему является, ибо априори он наделен способностью понимания. Это и обеспечивает специфическое местопребывание человека в бытии: он получает к нему рефлексивное отношение, всегда к нему (в отличие от животного) относится, т.е. осознает его. Специфика «положения человека в Космосе» [21] в том, что бытие нуждается быть осознанным, и потому, как бы, программирует человека на то, чтобы он услышал его «зов» как призыв «высветить» его, войдя в его «просвет».

Во-вторых, новизна экосистемного мышления сегодня инициируется и тем, что философская рефлексия относительно природы и методологический принцип ее исследования меняют свой характер под воздействием антропогенного фактора. «Природы больше нет», – говорит Ж.Л. Нанси [18]. Иначе: природа утрачивает свою естественность. Она оискусствляется: могущественные техники знания о Земле, и о Космосе, достижения современной технонауки преобразовали естество природы, поставив его (естество) на службу человеку, повлияв тем самым на принцип

экологичности, который приобрел всеохватное значение, распространяясь на природу, уже не существующую вне человеческих следов. Экологи, биологи, констатируя ситуацию антропогенных воздействий, используют слово деволюция природы, поскольку современный мировоззренческий фокус ее видения уходит от принципа однонаправленного развития и предлагает оптику, которая отрицает линейность прогрессивной эволюции, показывая ее зигзаги и разветвления. Мир увиден в его чрезвычайной множественности, разнообразии, гетерогенности. Науки о природе, поэтому, предлагают ввести закономножественного мира: закон бинарной множественности предметов и явлений мира и их взаимодействий; закон разветвляющегося циклического развития предметов и явлений мира с уравновешиванием ветвей, последующим их схождением и началом нового цикла; закон динамичной целостности мира (См., например: Тетиор А. Н. Целостность, красота и целесообразность мира множественной природы [\[22\]](#)). Рефлексируя по поводу развития современного мира, философия использует понятия «стохастичность», «ризома», «сингулярность», «множественность», «неопределенность», «непрогнозируемость», «динамичная целостность» и т.п. Когда мир видится сквозь эти категории, то он предстает лабиринтом, в котором трудно (невозможно) поставить стратегически и рационально ясную цель, двигаться жестко, неукоснительно и точно, чтобы реализовать ее. Природа – это экосистема разнонаправленная, ризомно-векторная, фиксирующая хаотичность и случайность. Такая природа вызывает необходимость мышления о ней и ее видения не в строгой логичности научного взгляда, но в экосистемной логике.

В-третьих, экосистемное мышление сегодня вызывается (и в этом его новизна тоже) и необходимостью работы с объектами, которые явили себя в такой степени единения человека, природы, общества и культуры, что получили название «сверхсложных», «оживших», техно-социально-гуманитарных [\[23\]](#) [\[24\]](#) [\[25\]](#). Мысление о них встретилось с трудностями при их описании. Потребовались не только философские, но и научные (нейробиологические, социологические, культурологические и пр.) методы их исследования. Сегодня известны авторы, пришедшие в философию из биологии – У. Матурана, Ф. Варела (создали теорию аутопоэзиса живых организмов), социологии – К. Кнорр-Цетин, М. Каллон, Б. Латур, Н. Луман (разработали объект-центричную социологию, акторно-сетевую теорию и теорию коммуникации) и др.

Ввиду выше сказанного есть основания констатировать, что возникновение экосистемного мира как местопребывания человека рождает и новую форму рационального мышления о нем – экосистемную рациональность, которая предполагая названные характеристики современного мира, релевантно ему формирует и свой исследовательский взгляд.

2. Экосистемная рациональность – специфическая форма рационального мышления о современном мире и его будущем

Характеристики, в которых описана современная реальность и ее экосистемное видение, позволяют сделать вывод о том, что научное рациональное мышление сегодня – это мышление не только о том, какими образом наука добывает истину, но мышление о жизни – о человеке и всех сферах культуры и общества в целом. В связи с трагедиями XX века, которые стали связываться (оправданно ли?) с рационально-научным отношением человека к миру, вопрос встал о возможностях разума в жизни человека вообще – в экономике, политике, в морали, в образовании и т.п., и т.д. Поэтому эпистемические критерии научной рациональности (эффективность познания истины, возобновляемость результатов, клишированность, однолинейнолинейная

целеустремленность к истине, определенность, четкость и последовательность шагов в рассуждения и т.д., и т.п.), сегодня имеют широкие масштабы применения и не редуцируются к логической непротиворечивости, строгости и точности. Потребовалось дополнение этих критериев моральными, эстетическими, правовыми, культурно-национальными и пр. – гуманитарными, оценочными критериями, касающимися жизни человека и человечества вообще. Жизнь человека в ее идеально-духовном содержании (да и в материально-телесном содержании тоже) невозможно понять в рамках науки и только с помощью критериальных оснований эпистемического характера. Строгость научного разума, сохраняя свое логическое значение, в новой реальности мира требует «герменевтическую прививку» (П. Рикер), нуждается в антропологических экзистенциалах «понимания», «заботы», «расположения», «доверия», «интуиции», «воображения и т.д., и т.п. Именно такая оптика предлагается для видения будущего, которое полагает современное философское мышление, открывая экосистемную рациональность.

Если согласиться с тем, что экосистемная рациональность может стать той формой рационального мышления, с позиций которой можно мыслить и исследовать будущее, то исследовательский интерес должен быть связан с разработкой ее содержания и критериальных оснований. Современная мысль о будущем, являя методологически новизну, в то же время не может не базироваться на философских традициях, которые являлись платформой этого мышления. Наибольший интерес представляет традиция классической философии, которая сегодня прочитывается как являющая собой предпосылки неклассического (и постнеклассического) типа рационального мышления.

Так, эту традицию следует связать с именем и философским авторитетом А. Бергсона, разработавшего «нестандартную» [26] теорию эволюции жизни, в которой, если впрямую и не говорится о будущем, тем не менее, в теоретических суждениях об эволюции можно, увидеть и сделать некоторые предположения по этому поводу. Интерес к Бергсону вызван, во-первых, использованием им в качестве ведущих в своей философии категорий «длительность», «жизненный порыв», «течение», «интуиция», «творчество» и т.п. В этом смысле он в онтологических размышлениях предшествует современным авторам, определяющим онтологию в понятийных характеристиках «текучести», «ризомности», «событийности», «неоднолинейности», «многомерности» и пр. Во-вторых, Бергсон, рассуждая о жизни, говорит на равных (без акцента на приоритетах) об интеллекте и инстинкте, разуме и интуиции, наконец, о прошлом, настоящем и будущем, которые соединены, слиты, сцеплены в «порыве», являющем длительность материальной и духовной форм жизни. Такой категориальный ряд и суждения, в которых он (этот ряд) используется при описании длительности эволюционных процессов, очень напоминает современное экологическое (как экосистемное) видение. Действительно, мир живет не только и не столько на началах разума и интеллекта. В нем присутствует интуиция, «инстинкт», дух, память, не имеющие материальной основы, не поддающиеся рациональному анализу, но заявляющие о себе иррационально как «органы метафизики». Все это взаимопроникает и перетекает друг в друга, инициируя и реализуя жизненный порыв, расходящийся по разным линиям, где инстинкт наследуется, а интеллект постоянно занят творчеством и всегда находится в состоянии изменений. На основе инстинкта и интеллекта возникают, создаются и растут цивилизации. Мир растений, животных, человеческой культуры – единый, им управляет общий жизненный порыв и сила, проявления которых спонтанны и не имеют никакой определенной цели и никакого конкретного направления.

Картина, которую рисует А. Бергсон, очень похожа на проявление современных

представлений о многогранности естественных, культурных и антропологических связей, представляющих в целом экосистемные взаимоотношения. В таком единстве рисуется и будущее – неопределенность, развитие вне жестко поставленной и строго ориентирующей движение цели. Мыслить о нем в рамках строгой классической логики невозможно. Хаос, лабиринт – онтологические метафоры современной социальной реальности.

Предвестия А. Бергсона относительно трансформаций научной рациональности в горизонте ее неклассического (постнеклассического) состояния сегодня находят теоретические воплощения. Так, в конце XX века выходит книга «Рациональность как предмет философского исследования», лейтмотивом которой является идея о том, что рациональность – это способ человеческого отношения к миру в целом, и потому она имеет социальное содержание, и исследуется в «двуих подходах» – «рассудочном (аналитичность, дискурсивность, упорядоченность, систематизированность, нормативность и пр.). Разум – это движение мысли невозможное без фантазии, интуиции, наделенной воображением чувственности и пр.» [\[27, с. 65\]](#). Поворот в исследовании научной рациональности в более широкую – социокультурную и антропологическую – сторону означал, что эта методология мышления и познания приобрела не исключительно научный, но и философско-мировоззренческий статус, вышла «за рамки только научного интереса», когда «признание ее философско-мировоззренческой сущности задает необходимую перспективу ее постановки, осмыслиения и исследования» [\[28, с. 5-6\]](#) [\[29, с. 93\]](#).

Для решения проблемы, поставленной в данной статье такая трансформация научной рациональности ориентирует на то, чтобы исходить в мышлении о реальности (современной и будущей) из целостности рационального типа отношения человека к ней. Человек, будучи единственным существом в мире, имеющим это целостное отношение, т.е. осознающим себя и мир («себя-в-мире», в природе, в обществе), получил особое назначение: не только его преобразовать по законам науки, но и быть за него (породившего самого человека в эволюционном процессе) в ответе. В отличие от всех прочих живых существ человек наделен ответственностью. И поскольку его отношение к миру обнаруживает себя в активно-преобразовательной деятельности, то именно в области этой деятельности в целом актуализируется вопрос о приобретении научной рациональностью критериев социокультурных, гуманитарных. В этом ракурсе философско-мировоззренческая проблема научной рациональности становится культурной ценностью.

В горизонте так понимаемой научной рациональности она начинает базировать себя одновременно как на критериях логики и науки, так и тех, что исходят из этики, эстетики, политики, права, психологии, социологии – от всех социальных структур. В единстве этих критериев можно видеть специфику, так называемой, экологической логики, принципы мышления которой способствуют обеспечению в человеческих отношениях к миру гармонизацию, красоту и их жизнесохраняющую силу. Поэтому содержание научной рациональности сегодня включает в себя и эпистемологические составляющие человеческой деятельности по открытию истины (логику рационального движения, обоснованность, целесообразность, экономичность, эффективность результата), и чисто антропологические, социокультурные, ценностные характеристики. История XX века и (XXI тоже) показала, что разум, забывший о своем гуманитарном насыщении и культурно-ценностной полноте, теряет жизнеобеспечивающее назначение. Присоединимся и обобщим те определения экосистемной рациональности, которые в ее отдельных характеристиках встречаются в литературе. Экосистемная рациональность –

это «трансверсальное» мышление по принципам экологической логики, «которая больше не навязывает только логическое «разрешение» противоположностей, но в силу указанного единения и единства с человеком и в силу его антропогенного воздействия стоит перед необходимостью быть исследуемой таким же экосистемным разумом, осознающим найденное единство и чувствующим себя ответственным за ее состояние [20, с. 43].

Задача современной философии состоит в том, чтобы разработать содержание научной рациональности в ее философско-мировоззренческом определении, наполненном экзистенциальными характеристиками, базирующими себя на междисциплинарных усилиях логиков и ученых естественных наук, но также и психологов, историков, литературоведов, юристов, представителей философских наук – этики, эстетики, теории искусства, культурологии и пр. гуманитарных дисциплин. Комплексность и многомерность научной рациональности – условие и основание ее экосистемного характера. В таком содержании экосистемная рациональность может явиться методологической платформой мышления о будущем.

Заключение Человек нового времени считал изменение мира делом чести. Но сегодня? Представление о том, что мы строим мир и будущее, точно зная «как», стало принятым фактом, который, однако (если иметь в виду пример строительства коммунизма), не оправдался. «Философия озаряет путь к будущему. Декарт и Кант были проводниками новой истории. Аристотель и Платон, извещали о возможности нового мира, в котором двигателем был разум» [30, с. 98]. Появление в XX веке философии «подозрения к разуму» инициировало необходимость философской рефлексии по отношению к тем формам научного разума, в которых он исторически себя обнаруживал и показывал пути будущего развития. Экосистемная рациональность представляется релевантным философским ответом на трансформацию онтологии современной социальной реальности и трансформацию строго рационального мышления о таком объекте, как будущее. Для того, чтобы эта релевантность была сохранена, экосистемная рациональность формируется как форма постнеклассического мышления, «снимающая» специфику современного мира в его традициях сохранения наследия классики, и одновременно в тенденциях движения к будущему. Пафос статьи состоял в том, чтобы увидеть основные характеристики экосистемной рациональности, как такой формы мышления о мире, в которой человек держит за него ответ – является ответственным.

Библиография

1. Miller R. Being without existing: the futures community at a turning point? A comment on Jay Ogilvy's "Facing the fold" // Foresight-The journal of future studies, strategic thinking and policy. – Т. 13. – № 4. – 2011. – Р. 24–34.
2. Godet M., Durance P. Scenario building: Uses and abuses // Technological Forecasting and Social Change. – Т. 77. – №9. – 2010. – Р. 1488-1492.
3. De Jouvenel H. An Invitation to Foresight / Transl. from Fr. Helen Fish. – Futuribles juillet. – 2004. – 88 p.
4. Gordon T. The Delphi Method // Futures Research Methodology – 3.0. – NY.: The Millennium Project. – 2009. – 6.с.
5. Inayatullah, S. The Causal Layered Analysis (CLA) Reader: Theory and Case Studies of an Integrative and Transformative Methodology / Tamkang University Press. – Taipei. – 2004.
6. Slaughter R.A. What difference does 'integral' make? // Futures. – Т.40. – №. 2. – 2008. – Р. 120-137.

7. Saritas O. Systemic Foresight Methodology // Science, Technology and Innovation Policy for the Future. – M.: National Research University Higher School of Economics. – 2013. – P. 83-116.
8. Песков Д., Лукша П., Кожаринов М., Савчук И. Rapid Foresight методология 0.4 / М.: Агентство Стратегических Инициатив, 2017. – 90 с.
9. Millennium Ecosystem Assessment // Ecosystems and Human Well being: Synthesis. Island Press, Washington, DC. 2005 World Resources Institute. URL: <https://www.millenniumassessment.org/documents/document.791.aspx.pdf>
10. Третьяков И.Д. Роль законов общественных наук в предвидении социальных явлений и процессов: автореф. дис. канд. филос. наук. 09.00.11. М.: 2003. – 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/rol-zakonov-obshchestvennykh-nauk-v-predvidenii-sotsialnykh-yavlenii-i-protsessov> (дата обращения 15.07. 2023)
11. Пирожкова С.В. Предвидение как эпистемологическая проблема (критический анализ концепции К. Поппера): автореф. канд. филос. наук. 09.00.11. М.: 2012. URL: <https://cheloveknauka.com/predvidenie-kak-epistemologicheskaya-problema> (дата обращения 15.07. 2023)
12. Шелудченко Д.А. Философско-методологические основания исследования предвидения в информационном обществе: автореф. канд. филос. наук. 09.00.11. Томск.: 2017. – 20 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/filosofsko-metodologicheskie-osnovaniya-issledovaniya-predvideniya-v-informatsionnom-obshche> (дата обращения 15.07. 2023).
13. Арефьева Н.Т. Прогнозирование социального развития: теоретико-методологические подходы. автореф. дис. доктор филос. наук. М. 2010. – 39 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004856007> (дата обращения 15.07. 2023).
14. Савенков Э.Б. Неметафорическое существование экосистем в социотехнической картине мира // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 95. № 6. – С. 34-39.
15. Пермяков О.Е., Китин Е.А. Методология стратегического планирования развития образовательных экосистем // Управленческое консультирование. 2020. № 11. С. 119-129.
16. Соловьева Т.С. Теоретические аспекты формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем // Вестник НГИЭИ. 2019. № 3. – С. 84-93.
17. Рыжкова О.В., Бородкина В.В. Обоснование показателей для оценки интеграции региональной и национальной инновационных экосистем // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т.11. №1. – С. 146-153.
18. Нанси Л.-Ж Техника и природа. Интервью с Л.-Ж. Нанси. Логос. 1997. № 9. https://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/08.htm
19. Хайдеггер М. Бытие и Время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
20. Guattari F. The three ecologies / Felix Guattari; Transl. from Fr. Pindar I., Sutton P. – London: The athlone press, 2000. – 174 p.
21. IIIелер М. Положение человека в космосе // Избранные произведения: Пер. с нем. / Пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филиппова А. Ф.; Под ред, Денежкина А. В. – М.: Издательство Гnosis, 1994. – С. 129–194 с.
22. Тетиор А. Н. Целостность, красота и целесообразность мира множественной природы. – Тверь: Тверское издательство, 2003. – 423 с.
23. Орлов Д. Е. На пути к пониманию сложности техносоциальных объектов // Вестник РГГУ № 10 (32). Сер. Философские науки. 2014.

- (https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-10_14.pdf).
24. Ивахненко Е. Н. Аутопойезис информационных объектов // Информационное общество. 2009. № 1. – С. 34–41.
 25. Ивахненко Е. Н. Социология встречается со сложностью // Вестник РГГУ. 2013. № 11. Сер. «Философские науки. Религиоведение». – С. 90–101.
 26. Красильников В.А. Нестандартный подход к вопросам эволюции и происхождения жизни в творчестве А. Бергсона // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6036> (дата обращения: 20.07.2023).
 27. Автономова Н.С. Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет философского исследования. М.: 1995. – С. 56-90.
 28. Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. М.: 1995. – С. 3-21.
 29. Порус В.Н. Системный смысл понятия «научная рациональность»// Рациональность как предмет философского исследования. М.: 1995. – С. 91-120.
 30. Давари Аркадани Р. Философия и будущее // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2006. № 4. С. 93–98.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена рассмотрению вопроса о возможности построения метода «рационального мышления» о будущем. Такая постановка проблемы выглядит многообещающей и способна привлечь внимание широкого круга читателей. Однако знакомство с текстом вызывает множество возражений, на основании которых, в конце концов, складывается впечатление, препятствующее тому, чтобы рекомендовать статью в её сегодняшнем виде к публикации. Укажем хотя бы на наиболее значимые пункты. Трудно назвать удачным название статьи. Оно содержит понятие «экосистемная рациональность», относительно которого в самом тексте статьи просто говорится, что «авторы» таким образом «называют» искомую ими форму мышления о будущем, но ничего не сказано о том, почему они её так называют. Простой ссылки на расплывчатые суждения Гваттари и других «модных» зарубежных авторов в этом случае явно недостаточно. Далее, вызывает недоумение и заявление авторов о методах исследования, в качестве которых называются «аргументация» и «обоснование». Ну, во-первых, аргументация и обоснование – это одно и то же, а во-вторых, это вообще не метод исследования, «обоснование» «вступают в дело» тогда, когда исследователь уже получил результат и стремится найти рациональные инструменты, которые его слушателей или читателей также побудили бы к принятию этого результата. Однако самое главное упущение авторов статьи, думается, состоит в том, что задаваясь вопросом о методах продумывания будущего, они оставили за границами своего рассмотрения вопрос, о будущем «чего» – какой предметности – они намереваются размышлять. Очевидно, речь должна идти, прежде всего, о социальных отношениях современного мира, – но разве в этом материале сказано что-либо о реальных социальных отношениях в современном мире? Конечно, статья может носить «методологический характер», но это не значит, что автор имеет право абстрагироваться от предмета, ради анализа которого и ставится вопрос о методе! Если же всмотреться в текст повнимательнее, то открывается, что и «методологии» в нём

немного: большая часть текста – это весьма общие формулы, «подкрепляемые» перечислением уже упомянутых «модных» авторов. Дают ли они что-то читателю? По-видимому, они призваны убедить его в эрудированности автора, но и эта цель в действительности не достигается. Впечатление, которое должен произвести внушительный список литературы, рассеивается, если посмотреть, каким образом автор с литературой работает. Приведём только один пример. Утверждая, что «классическая рациональная традиция мышления противоречит экосистемному взгляду на мир», автор призывает своего читателя: «Вспомним Декарта, предлагавшего метод, состоящий из сомнения, разделения, упорядочивания и описания», в подтверждение чего следует ссылка на 250 страницу первого тома известного отечественного издания трудов философа. И что же мы на этой странице видим? Первый лист «Рассуждения о методе»... А где же «сомнение, разделение, упорядочивание и описание»? Но ещё хуже, что у Декарта ничего подобного вообще нет, правда, на странице 260, действительно, представлены четыре знаменитые принципы метода Декарта, но это принципы «ясности и отчётливости», «анализа», «синтеза» и «энумерации». Из этих двух рядов совпадают только «разделение» и «анализ», то есть второй из указанных шагов. А «сомнение»? Но «методическое сомнение» представлено у Декарта совсем в других частях его произведений (воздержимся от более подробных пояснений), «упорядочивание» лишь слегка напоминает «правило синтеза» и, во всяком случае, далеко его не исчерпывает, а вот «описание» с принципами метода Декарта вообще никак не пересекается. И что же тогда говорит читателю эта ссылка? Только то, что автор, по-видимому, Декарта не открывал, ограничившись «более современными авторитетами», способными, как это хорошо известно, подтолкнуть своих легковерных поклонников и на ещё более смелые «интерпретации». К сожалению, формат рецензии не позволяет столь же подробно откликаться на множество других подобных мест, безжалостно разоблачающих мнимую эрудированность авторов. Разумеется, хотелось бы, чтобы работа по избранной теме была продолжена, в то же время, представленный материал в его сегодняшнем виде не может быть опубликован в научном журнале, рекомендую отправить его на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Экосистемная рациональность – философский дискурс мышления о современном мире и его будущем» выступает инновационный способ мышления, называемый автором «экосистемной рациональностью». Понятие «экосистемность» автор определяет как новую интегративную среду обитания человека, в тесной сплетенности природы, общества и культуры. Центральной проблемой статьи является разработка модели экосистемной рациональности как инструмента мышления, соответствующего основным векторам развития современной социальной реальности в ее движении к будущему. Цель статьи автор определяет как обоснование формы рационального мышления, с помощью которой возможно было бы осмыслить современный мир как дома человека.

В методологическом обосновании статьи автор исходит из понятия научной рациональности в ее классическом, неклассическом и постклассическом вариантах. Он использует метод системного анализа, позволяющий предложить понятие экосистемной рациональности в качестве мышления о будущем соответствующего настоящему моменту, методы сравнения, контент-анализа и анализа библиографических публикаций, а также метод междисциплинарности исследования.

Актуальность своего исследования автор видит в том, что ситуация глобальной неопределенности, наличествующая сейчас в мире, вызывает повышенный интерес к будущему, стремление к его предвидению, прогнозированию, построению его образа. В работах же, связанной с конструированием будущего, часто использует понятия «экосистема», «экосистемный подход», «экосистемность». Поэтому автор считает необходимым предложить новый способ осмыслиения будущего – экосистемную рациональность.

Научная новизна исследования связывается автором с применением экосистемной рациональности к осмыслиению будущего и разработки самого метода экосистемной рациональности как логического продолжения динамики понимания рациональности в философии. Утверждение рациональности философского мышления постепенно преодолевает свой абсолютизм и зрение и мышление, будучи научно-рациональными, оказываются направлены не только на науку, обусловливая принципы открытия научной истины, но формируются в результате рационального исследования специфики всей среды обитания человека. Экосистемная новизна бытия запрашивает такое зрение человека как инструмент его мышления, которое помещает традиционные эпистемические критерии науки в целостность системы философских, этических, антропологических, духовных, эстетических и т.д., и.п. характеристик.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание. Автор начинает свои размышления с констатации того, что современная научная литература фиксирует возникновение нового способа мышления – экософского – и новой сферы философского знания – экософии. Трудность разработки экосистемной рациональности автор видит в том, что при решении поставленной проблемы необходимо исходить из специфики образа будущего, то есть из картины того, чего еще нет. И здесь автор совершенно справедливо ссылается на финскую исследовательницу Инаятулла, разрабатывающую Причинный многоуровневый анализ, как метод исследования будущего, однако упускает из вида, что проблематика построения и исследования образов будущего разрабатывается не только в Центре исследований будущего в институте Турку (Rubin A., Linturi H., Aaltonen M., Wilenius M., Mannermaa M., Ahvenharjua S., Minkkinen M., Lalotb F., Kaboli S.A., Tapio P.), но и в Америке (Boulding K. E., Godet M., Roubelat F., Galtung J., Clark T.J., Duran P., Lombardo T., Miller R., Poli R., Rossel P.), похожие исследования образов будущего проводятся в последнее десятилетие в Испании (Tezanos J.F., Guillo M., Bas E.), Швейцарии (Fanny Lalotb), Великобритании (Corina Angheloiu), России (Рочняк Е.В., Хохлова Е.И., Щербинина Н.Г., Гаврилюк Т.В., Шавлохова А.А. Андриантва Е.В. Худякова М.В.). Причем многие из названных авторов затрагивают и проблемы альтернативных методов осмыслиения будущего.

В двух центральных частях статьи – «Экосистемность современного мира: вызовы рациональному мышлению» и «Экосистемная рациональность – специфическая форма рационального мышления о современном мире и его будущем», автор развивает мысль, о томЮ что есть основания констатировать, возникновение экосистемного мира как местопребывания человека, который рождает и новую форму рационального мышления о нем – экосистемную рациональность и возможно, что именно экосистемная рациональность может стать той формой рационального мышления, с позиций которой можно мыслить и исследовать будущее.

Библиография включает 30 источников, но, как мы показали выше, они не исчерпывают исследования по заявленной проблематике.

Апелляция к оппонентам присутствует в необходимой мере.

Статья может быть интересна социальным философам, специалистам по исследованию будущего, а также тем, кого интересуют вопросы современной эпистемологии.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Желтикова И.В. — Концептуализация понятий «образ будущего» и «образ города» и их взаимный эвристический потенциал // Философская мысль. — 2023. — № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.8.43743 EDN: WCUNCE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43743

Концептуализация понятий «образ будущего» и «образ города» и их взаимный эвристический потенциал

Желтикова Инга Владиславовна

кандидат философских наук

доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева

302025, Россия, Орловская область, г. Орел, ул. Бурова, 26

✉ inga.zheltikova@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.8.43743

EDN:

WCUNCE

Дата направления статьи в редакцию:

09-08-2023

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вариантов значения научных категорий «образ будущего» и «образ города». Предметом исследования выступает процесс формирования понятийной определенности этих устойчивых словосочетаний. В качестве ведущего его метода выступает герменевтический анализ, направленный на выявление значений, в которых используются анализируемые словосочетания. Сравнительный анализ позволяет установить эвристический потенциал понятий «образ будущего» и «образ города», используемых в одном исследовании. В статье автор рассматривает появление анализируемых понятий во второй половине 20 века, их функционирование в различных научных контекстах. Особое внимание уделяется их эвристическому потенциальному в рамках социальной философии. Научная новизна исследования заключается в различении четырех значений понятия «образ города» - как «образа реального города», в котором на основании личных впечатлений формируется обобщенное представление, фиксирующее своеобразие конкретного городского пространства, «художественного образа города», запечатленного в живописи, литературе, кинематографе, музыке, «стереотипного образа города» как обобщенно-нормативного представления об известном, исторически значимом городе, и

«философского образа города» как умозрительной модели человеческого поселения, основные параметры которой социально обусловлены. Основные выводы поведенного исследования касаются возможности рассмотрения образа города в качестве элемента образа будущего, запечатлевающего представления о социуме, его структуре, экономике, политике, духовных практиках, социальных ожиданиях. Автор статьи предлагает рассматривать изучение образа города как один из методов изучения образов будущего.

Ключевые слова:

образ будущего, образ города, социальные ожидания, будущее, города будущего, исследования будущего, культурный ландшафт, геопоэтический образ, облик города, проспекция

Введение

Как о своеобразном эпиграфе к этой статье я думаю о выставке «АРХ Москва» в Гостином дворе, на которой мне случилось побывать этой весной. В каждой второй экспозиции присутствовала заявка на проектирование будущего. Будущего светлого, осознанного, экологического, открытого, инновационного... Много-много дерева, начиная от основы стендов и выставочных моделей, заканчивая презентацией древесины в качестве материала для архитектуры и дизайна будущего. Ну и Черный парус, конечно, – инсталляция Бюро Сивил с визуальной метафорой «мрачного и зачастую пугающего паруса, который, развиваясь по ветру, стремительно несет нас к светлому будущему» и должен служить «символом личных вызовов, преодолевая которые, мы движемся к необходимым изменениям» [1].

На выставке активно подчеркивалась связь между градостроительством и будущим. Такая связь практически всегда присутствует, когда речь заходит о градостроительных и просто архитектурных проектах. Это свидетельствует о том, что восприятие города и представление о его развитии связаны с осознанием будущего, вопрос в том – как именно они связаны?

Предметом этой статьи будет выступать процесс формирования понятийной определенности таких устойчивых словосочетаний, как «образ будущего» и «образ города». Я рассматриваю эту статью как своеобразное введение к изучению образов будущего с помощью образов города. Ее целью является определение того, что новое может дать исследованию социума использование этих понятий в их сопряженности.

В связи с таким сугубо формальным аспектом этого этапа исследования, в качестве ведущего его метода будет выступать герменевтический анализ, направленный на выявление значений, в которых используются анализируемые словосочетания и определения вариантов их дефиниций. Сравнительный анализ поможет установить эвристический потенциал понятий «образ будущего» и «образ города», функционирующих в поле социальной философии.

Актуальность этого рассмотрения мы связываем, с одной стороны, с тем, что при активном использовании рассматриваемых словосочетаний они продолжают функционировать как в общепублицистическом, так и научном дискурсе, без должного определения и указания на возможные варианты значений. С другой, мы полагаем, что не только представление о будущем способно конкретизировать представление о

перспективах городов, но и наоборот, рассмотрение образа города может помочь в изучении образа будущего. Установив взаимный эвристический потенциал понятий «образ будущего» и «образ города», мы надеемся в дальнейшем использовать конкретные модели городов будущего для уточнения контуров образов будущего.

Становление понятия «образ будущего» как научного концепта

Словосочетание «образ будущего» в отечественной гуманитаристике активно используется политологами, историками, психологами, педагогами, литературоведами. Политологи и политические аналитики под «образом будущего» имеют в виду картину желаемой перспективы, создаваемую правящей элитой или иной политической силой для консолидации населения [2], привлечения избирателей, продвижения определенной политической установки [3]. В этом значении образ будущего интересует исследователей главным образом с позиции возможности формирования [4] его определённой конфигурации и использования для решения текущих политических задач [5].

Историки используют концепт «образ будущего» в значении комплекса представления о будущем определенных социальных групп прошлого, локализованных во времени и пространстве [6]. Для них образ будущего выступает элементом картины мира определенных групп прошлого, наряду с их системой ценностей, мотивационными установками и поведенческими стереотипами. Рассматривается образ будущего и в рамках исторической имагологии, конкретизируясь в таких вариантах, как, скажем, военные ожидания [7] или коммунистическое будущее [8].

Психологи и педагоги «образ будущего» определяют как субъективные картины индивидуального будущего [9] и используют в качестве синонима «жизненного проекта» [10]. В литературоведении «образ будущего» – это описание в художественных [11], чаще всего фантастических, произведениях того, что будет завтра [12].

Как теоретический научный концепт «образ будущего» (The image of the future) был впервые предложен и разработан голландским исследователем Фредом Полаком, обозначившим так перспективную картину социальной реальности, создаваемую отдельными мыслителями и имеющую поддержку современников [13, р.10-11]. Философ полагал, что введение этого понятия в социальные науки даст им возможность более детально прослеживать умонастроения общества и в конечном итоге выступит параметром, позволяющим диагностировать намечающиеся тенденции развития [13, р. 22]. С конца прошлого века «образ будущего» является одним из центральных понятий такой научной области, как Исследования Будущего (Futures studies), и фиксирует форму присутствия будущего в настоящем. В этом философском значении образ будущего определяют как целостную картину жизни общества в единстве различных ее сфер (экономики, экологии, политики, социальных отношений, духовных практик).

Финские исследователи А. Рубин [14], С. Ахвехнарью [15], Х. Лентури [16] и их коллеги (Seyedeh Akhgar Kaboli, Petri Tapio [17], Sanna Ahvenharjua, Matti Minkkinen [18], Kathrin Komp-Leukkunen [19]) работающие в Центре Исследований будущего в институте Турку, указывают на то, что изучение образов будущего позволяет определить максимально возможные варианты будущего развития, выявить текущие мотивы, решения, выбор людей в рамках определенных социальных групп, лучше понять ценностные ориентации предыдущих эпох, осознать идеалы и осмыслить страхи, которые испытывали наши

предшественники. Сходный подход к изучению образов будущего присутствует у других зарубежных (Tezanos J.F. [20], Guillo M. [21], Bas E. [22], Angheloiu C., Sheldrick L, Tennant M. [23]) и отечественных (А.И. и Н.Г. Шербины [24], Е.Б. Шестопал [25], О. Кравцов [2], С.И. Белов [26], Е.В. Рочняк [27]) исследователей. Этих авторов интересуют общие тенденции отношения к перспективе, обнаруживаемые в определенных социальных группах, их работы направлены на изучение связи представлений о будущем с поведением исследуемых групп в настоящем.

С философской позиции образ будущего рассматривается как элемент общественного сознания, фиксирующий обобщенные картины завтрашнего дня, общие для определенных общественных групп. Он объединяет представления о будущем в виде целостной мыслительной модели, в которой фиксируется взаимовлияние различных сфер жизни общества. В этом смысле образ будущего является феноменом социальной реальности, фактором, влияющим на поведение как отдельных личностей, так и социальных групп.

Большинство исследователей согласны в том, что образы будущего содержат не только когнитивные элементы, т.е. размышления о завтрашнем или послезавтрашнем дне [28], но и эмоциональные установки: надежды, страхи, ожидания, опасения, безразличие, которые характеризуют общий настрой по отношению к будущему [29]. Входит в образы будущего и отношение к модальности – оценка той или иной картины будущего с позиции ее вероятности, степени неминуемости наступления определенной перспективы, возможности и необходимости влияния на нее.

Эта идея также принадлежит Ф. Полаку, который обращал внимание на то, что будущее может видеться как «гарантированное» или как «возможное». В первом случае, каким бы ни представлялось будущее, прекрасным или ужасающим, мы испытываем по отношению к нему пассивное состояние, будучи уверенными в том, что наши усилия не могут ни приблизить, ни отвратить наступление «предначертанных» событий. В случае отношения к образу будущего как возможной перспективе предполагается, что ее наступление зависит от действий ныне живущих поколений [13, р.7-12].

Очень интересным, но малоизученным является визуальная составляющая образов будущего, которая присутствует не только в изображениях будущего, но и в его описаниях и во многом определяет целостный характер в представлении будущего.

Становление понятия «образ города» как научного концепта

В отличие от «образа будущего», словосочетание «образ города» в научном контексте обладает еще меньшей категориальной точностью. Его используют, часто без должного определения, архитекторы и градостроители, искусствоведы, филологи, географы, политологи.

Чаще всего словосочетание «образ города» употребляется в значении образа реального города, в котором фиксируется своеобразие городского пространства [30]. Исследователи обращаются к изучению или конструированию образа города Куйбышева [31], Орла [32] или Братска [33]. Примером определения образа города в этом значении может служить дефиниция понятия, предлагаемая М.В. Перьковой и А.С. Горожанкиной: «образ города можно определить как относительно устойчивую и воспроизводящуюся в массовом и/или индивидуальном сознании совокупность эмоциональных и рациональных представлений о городе, складывающуюся на основе всей информации, полученной о

нем из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений» [\[34\]](#). В этом значении синонимом словосочетания «образ города» выступает «городская среда».

Подходя к трактовке образа города с этой позиции, авторы различают «образ» и «облик» города. Подразумевая под первым умозрительную модель реального города, его субъективные интерпретационные схемы, а под вторым – внешний вид города, его архитектурные комплексы, улицы, значимые для горожан здания [\[35\]](#). Говоря об образе конкретного города, исследователи различают также «внутренний» и «внешний» образ города, первый, характерный для жителей города, второй – для туристов [\[36\]](#).

Второе значение понятия «образ города» отсылает нас к определённому типу художественного образа. Так, например, Т. Г. Горанская пишет: «Образ города – это проявление духовной сущности материального городского пространства, выражение общих черт и уникальных особенностей, присущих городам, отражение исторической и культурной памяти, этнокультурной идентичности» [\[37\]](#), указывая тем самым на образ города как художественный образ в сфере изобразительных [\[38\]](#), словесных [\[39\]](#) или визуальных искусств [\[40\]](#).

Третий тип определений «образа города» возникает как результат абстрагирования и создания обобщенно-нормативного представления об определенном городе. В этом значении «концепт образа города включает в себя представление о той роли, которую он играет в жизни данного региона и страны в целом. Город несет в себе образ, сконструированный его историей, пространственно-временными параметрами, смыслами, заложенными в него создателями» [\[41\]](#), пишет С. С. Касаткина.

В этом значении образ города включает в себя и географическое описание, и перечень достопримечательностей, и экономический ракурс. Но важнее, что абстрактный образ города не конкретизирован темпорально. Образ Парижа в этом значении объединяет в себе представления о современном Париже, Париже как центре культуры модерна, Париже времен Французской Революции и Париже будущего (скажем, на открытках Марка Коте). В отличие от образа реального города, в этом значении понятие «образ города» указывает на образы, функционирующие на уровне коллективного сознания и рождающие «иллюзию одушевленности города» – «академичного» Петербурга, «хлебосольной» Москвы, «модного» Парижа, «изящного» Милана, «работящего и серьезного» Екатеринбурга [\[42\]](#). Синонимами образу города в этом значении выступают такие термины, как: «культурный ландшафт», «геопоэтика» и «геопоэтический образ».

Наконец, четвертая, философская дефиниция «образа города» определяет его как умозрительную модель города как такового, результат мыслительной процедуры идеализации, отвлечения от бесконечного количества реальных городов, их признаков и черт. Образ города в этом значении – это совокупность представлений о специфическом месте и способе жизни, отличном от природного и сельского. В этом смысле об образе города пишет Э. Соя: «человеческое общество и, в сущности, все формы социальных отношений и социальной жизни возникают, развиваются и меняются в материально реальном и социально воображаемом контексте городов» [\[43\]](#), именно этот воображаемый контекст, наделенный сущностными характеристиками города, и соответствует философскому понятию «образ города».

Н. Г. Щербинина в статье «Образ города как символический конструкт» [\[44\]](#) выделяет типы таких мыслительных моделей города: первая – «великий город» как своеобразная

ось мира, Земля Обетованная; вторая – город-мечта, «идеальный город», образ которого «сконструирован, как правило, на основе одной символической позиции» – центра образования или торговли, защитной крепости или порта; и третья – «обыденный город», воплощающий «реальности повседневности без какого-либо символического посредничества», образ которого не всегда положительно окрашен и потому часто «представляют собой места массового исхода» [44, с.51-52].

Этот философский контекст определения понятия «образ города» является результатом осмыслиния и изучения его более конкретных образов. В отличие от предыдущих образов, «образ города» в философском смысле возникает не в «результате рефлексии индивидов, населяющих» конкретное городское пространство [45], а в процессе осмыслиния социальной реальности, частью которой выступает город [46].

Показательна в этом плане одна из первых теоретических работ, посвященная образу города, изданная в 60-е годы 20 века [47]. Ее автор, Кевин Линч, начинает свое исследование с образа конкретного города, различая в нем индивидуальный и общественный образ города [47, с.7], затем переходит на обобщенно-нормативные представления о городе и такую его характеристику, как «imageability» (образоспособность) [47, с. 15], связанную с визуальными характеристиками города. Наконец, вводя программные, для всех последующих исследований образа города, характеристики – «пути», «границы», «районы», «узлы» и «ориентиры», Линч переходит уже к философскому уровню работы с понятием «образ города».

Использование понятия «образ города» в его философском значении указывает на умозрительную модель человеческого поселения, основные параметры которого социально, а не природно обусловлены.

Выводы

Появление понятий «образ будущего» и «образ города» в научном дискурсе происходит примерно в одно и то же время, во второй половине 20 века. На наш взгляд, это может свидетельствовать о новом ракурсе или подходе к изучению человеческого общества, при котором осмысливание повседневного опыта происходит через параметры, до этого находящиеся вне научного дискурса. Представление вариативных моделей власти, социальных взаимодействий, гендерных отношений, духовных, трудовых и семейных практик, будущего, городского пространства, как и многое другое, позволяет зафиксировать не только видимую и рационально постигаемую сторону социальных отношений, но и глубинные, эмоциональные, частично бессознательные компоненты этих процессов.

Концептуализация понятий «образ будущего» и «образ города», обособление их философского содержания свидетельствуют о том, что происходит осмысливание соответствующего параметра социальной реальности. Проанализировав контексты употребления этих понятий, мы выделили их значения, наиболее распространенные в научных исследованиях. Для образа будущего это – 1) привлекательный идеологический конструкт, создаваемый политиками для привлечения избирателей, 2) комплекс представления о будущем определенных социальных групп прошлого, 3) субъективные картины индивидуального будущего, 4) описание завтрашнего дня в художественных произведениях. В образе города мы различили значения: 1) образа реального города, в котором на основании личных впечатлений формируется обобщенное представление, фиксирующее своеобразие конкретного городского пространства, 2) художественного

образа города, запечатленного в живописи, литературе, кинематографе, музыке, 3) стереотипного образа города как обобщенно-нормативного представления об известном, исторически значимом городе.

В результате работы с категориальным аппаратом мы пришли к выводу, что для социально-философского исследования особенно полезным является использование наиболее теоретических значений этих понятий – образа будущего как целостной картины жизни человечества в перспективе, взаимодействия различных общественных сфер, и образ города как умозрительной модели человеческого поселения, основные параметры которой социально обусловлены.

Мы полагаем, что образ города – может быть рассмотрен как элемент образа будущего, запечатлеваящий представления о социуме, его структуре, экономике, политике, духовных практиках, социальных ожиданиях того времени, в которое создается.

Образ города как визуальный образ во многом нерационален, он отражает интуицию по отношению к будущему, чувства оптимизма или пессимизма, переживания актуально действующих поколений, вызываемые ожиданием завтра. Показательным примером «парадокса визуальности» может послужить инсталляция «Черный парус», уже упоминаемая в начале этой статьи. Черное полотнище на флагштоке, колеблемое направленным потоком воздуха, контрастировало с большинством выставочных экспозиций «АРХ Москвы», делая отсылку одновременно к кораблям пиратов и траурным флагам. Текстовой комментарий, на первый взгляд, был призван объяснить, почему инсталляцию следует воспринимать позитивно. Однако именно из сопровождающих пояснений становилось ясно, что авторы связывают предложенный образ с будущим. Говоря о том, что «мрачный парус» несет нас к светлому будущему, они фактически признают, что будущее видится им пугающим и для того чтобы преодолеть этот нерациональный страх, необходимо переинтерпретировать образ, связать его на рациональном уровне с позитивным посылом «преодоления трудностей». Этот пример хорошо показывает, что визуальный образ вообще и образ города в частности могут передавать раздвоенность восприятия будущего, при котором чувства, с ним связанные, противоречат рациональному пласту осмыслиения будущего.

Мы хотим предложить изучение образа города как один из методов изучения образов будущего. Задумываясь о будущем, мы часто представляем города завтрашнего дня. В этом плане образ города визуализирует представления о будущем. Так, например, в книжной иллюстрации или кинематографе изображение будущего часто передается именно городским пространством, небывалыми сооружениями, многоярусными небоскребами, соединенными транспортными потоками, летающим машинами, цифровой средой внутри дома.

Но не менее продуктивен и обратный процесс – воображая города будущего, мы неосознанно выстраиваем их образы, исходя из представления о будущем в целом. Город со зданиями-деревьями Бенджамина Зейельштада и Реджинальда Виленски, город-комбинат Ле Корбюзье, летающие города Ивана Леонидова и Георгия Крутикова – это не только градостроительные утопии, но и определенный взгляд на социальные отношения будущего, организацию производства, взаимодействия с природной средой. В этом плане, изучение образа города и, в первую очередь, образа города будущего способно обнаружить бессознательные пласти в представлениях о будущем, подлинные эмоциональные переживания по отношению к будущему, если угодно, подсознательные страхи перед тем, что нас может ожидать.

Библиография

1. БЮРО СИВИЛ [Электронный ресурс] URL: https://tgstat.ru/channel/@civil_architects (дата обращения 01.06.2023)
2. Кравцов О. Образ будущего как фактор политики // Nauka.me. 2020. № 1. С. 1-11.
3. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285-299.
4. Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45-50.
5. Мерзликин Н. В. Социальная реальность России – отсутствие устойчивого образа будущего страны // III Чтения памяти В.Т. Лисовского. Сборник научных трудов. Под редакцией Т.К. Ростовской. 2020. С. 160-165.
6. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения. М.: Республика, 1994. 413 с.
7. Голубев А. В. «Придут из Китая англичане...»: советское общество и военные тревоги 1920-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 18: 2007. С. 42-57.
8. Попова О. Д. Образ коммунистического будущего глазами советских людей (по материалам «писем во власть» в 50-60 годы XX века) // В сборнике: Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Материалы 15-й Международной конференции. 2018. С. 842-846.
9. Леонтьев Д. А., Шелобанова Е. В. Профессиональное самоопределение как построение образцов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57-66.
10. Шестак Р. Н. Образ мечты как модели будущего и смысложизненные ориентации личности / [Электронный ресурс] URL: <http://www.b17.ru/article/2146/> (дата обращения 01.06.2023)
11. Краснов А. А. Образ будущего Петербурга, Царского села и Гатчины в романе М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую // Научные труды. 2006. № 5. С. 68-77.
12. Яворская М. «Мы – это и есть вы». Сопоставление образа будущего в книге «Сто лет тому вперед» и фильме «Гостья из будущего» в историческом контексте // Детские чтения. 2019. Т. 15. № 1. С. 161-176.
13. Polak F. L. The image of the future (E. Boulding, Trans.) Amsterdam: Elsevier. 1973. 319 p.
14. Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing time // Futures. 2013. Vol. 45. Pp. 38-44.
15. Ahvenharjua S. The five dimensions of Futures Consciousness // Futures. 2018. Vol. 104. p. 1-13.
16. Rubin A., Linturi H. Transition in the making. The images of the future in education and decision-making // Futures. 2001. Vol. 33(3-4). Pp. 267-305.
17. Kaboli S. A., Tapiola P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018. Vol. 96. Pp. 32-43.
18. Ahvenharjua S., Minkkinen M., Lalotb F. The five dimensions of Futures Consciousness // Futures. Vol. 2018. 104. Pp. 1-13.
19. Komp-Leukkunen K. What life-course research can contribute to futures studies // Futures. 2020. Vol. 124. 102651

20. Tezanos J. F. Las imágenes y expectativas del futuro en la sociedad española. In: Tezanos JF, Villalon JJ, Montero JM (eds) *Tendencias de Futuro en la Sociedad Española*. 1997. Sistema, Madrid.
21. Guillo M. Futures, communication and social innovation: using participatory foresight and social media platforms as tools for evaluating images of the future among young people. 2013. *Eur J Futures Res.* Pp. 1-17.
22. Bas E. Future Visions of the Spanish Society. In: Reinhardt U, Roos G (eds) *Future Expectations for Europe*. Primus Verlag, Darmstadt, 2008. Pp. 214-231.
23. Angheloiu C., Sheldrick L, Tennant M. Future tense: Exploring dissonance in young people's images of the future through design futures methods // *Futures*. 2020. Vol. 17. 102527.
24. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285-299.
25. Шестопал Е. Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического Развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 2. С. 7-20.
26. Белов С.И. Перспективы использования политического мифа как ресурса формирования образа будущего в массовом сознании (на примере России) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 62-68.
27. Рочняк Е.В. «Futures studies» как комплекс научных направлений по исследованию будущего // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2023. №1(23). С. 6-15.
28. Lombardo T. Science Fiction: The Evolutionary Mythology of the Future // *Journal of Futures Studies*. 2015. Vol. (20(2)). Pp. 5-24.
29. Ahvenharju S., Lalot F., Minkkinen M., Quiamzade A. Individual futures consciousness: Psychology behind the five-dimensional Futures Consciousness scale // *Futures*. 2021. Vol. 128. 102708.
30. Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М.: Стройиздат, 1992. 256 с.
31. Семенцова А. В. Образ города Куйбышева в представлении приезжих студентов и коренных жителей // Цифровая наука. 2022. № 12. С. 31-35.
32. Исаева Е. Ю., Павлова И. В. Специфика формирования образа города в сознании населения г. Орла // Образование и общество. 2018. № 3-4 (110-111). С. 132-136.
33. Салахова Л. М. Опыт формирования «образа города» на примере Братска // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 1 (31). С. 145-150.
34. Перькова М. В., Горожанкина А. С. Образ города: определение понятия и структуры // Наукоемкие технологии и инновации. Юбилейная Международная научно-практическая конференция, посвященная 60-летию БГТУ им. В.Г. Шухова, ХХI научные чтения. Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. 2014. С. 102-106.
35. Нанадзе В. Н., Черных О. И. «Облик» и «образ» города: различие понятий и основные аспекты их изучения // Молодежный вестник ИрГТУ. 2021. Т. 11. № 2. С. 76-81.
36. Алексеева В. Л. Образ города в культурном сознании // Университетская площадь: альманах. 2010. № 3. С. 174-176.
37. Горанская Т. Г. Города Беларуси в изобразительном искусстве XX-начала XXI века

- / Т. Г. Горанская ; под ред. О. Н. Пручковской. Минск : Белорус. наука, 2017. 255 с.
38. Игумнова Е. В. Образ города и британские художники 1910-х годов // Искусство Евразии. 2020. № 2 (17). С. 39-50.
39. Ширяева Ж. Л., Водопьянова Л. А. Образ города в мировой литературе // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и зарубежной литературы. Сборник научных статей по материалам XXXII Международной научно-практической конференции. Отв. редакторы Н.В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары, 2022. С. 377-381.
40. Ушаков Ф. В. Образ города во французском экспериментальном кино 1970-х гг.: «человек, который спит» Жоржа Перека // Артикулт. 2022. № 3 (47). С. 56-66.
41. Касаткина С. С. Проблема восприятия образа города: социально-философский подход // Научное мнение. 2016. № 10. С. 56-60.
42. Мельникова С. В., Поршнева О. С. Образ города и его функционирование в культурно-историческом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 4 (158). С. 166-172.
43. Сойа Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3 (66). С. 130-140.
44. Щербинина Н. Г. Образ города как символический конструкт // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 41-52.
45. Горелова Ю. Р. Образ города: единство реального и идеального // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 4 (51-52). С. 353-360.
46. Мокроусова А. К. Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 3. С. 173-181.
47. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1983. 328 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья представляет собой весьма интересный (и в значительной степени новаторский) опыт социально-философского исследования, в котором «образ города» рассматривается как своеобразный «ключ» к пониманию перспектив развития общества, как наиболее доступный для сегодняшнего человека «образ будущего». Идея такого подхода основывается на том, что современное общество – это общество преимущественно городское, для большинства наших современников именно городской ландшафт является естественным, привычным, соответственно, тенденции его эволюции, суммирующиеся в «образе города», формируют и идеал «общества будущего» (не лишённый, впрочем, некоторых негативных черт, которые передают страхи или другие отрицательные эмоции сегодняшних горожан). Сам автор даёт по тексту различные варианты соотношения «образа города» и «образа будущего», некоторые из них в меньшей степени подчёркивают значимость городской культуры для понимания перспектив эволюции социальных отношений (например, когда «образ города» представляется лишь в качестве «элемента» «образа будущего»), некоторые, напротив, «универсализируют» значимость «образа города» для изучения создаваемых человеком «образов будущего» как характерного измерения сегодняшней социальности (например,

когда автор говорит об изучении «образа города» как «метода» изучения «образа будущего»). На наш взгляд, автор имеет все основания исходить из «сильной версии» своей гипотезы; инициирование восприятием городского пространства и стиля городской жизни переживания наших современников, оформленные как ожидания, играют не менее важную роль в конституировании системы социальных связей, чем реальные черты общественной жизни, уже закреплённые в форме социальных институтов или форм общественного сознания. Автор продолжает тем самым популярную в современной литературе тенденцию, для которой «повседневная жизнь», её, казалось бы, незначительные характеристики, обусловленные «частными» потребностями человека, перевешивают значимость экономических и социальных структур. Одно из важных замечаний автора статьи состоит в том, что «образ города», по его выражению, «визуализирует» представления людей о будущем. Визуализация характеризует многие процессы современной культуры, в рассматриваемом контексте указание на эту черту объясняет общезначимость, распространённость, доступность для большинства людей такого канала передачи представлений о будущем, как «образ города». Критические замечания, которые можно высказать в отношении рецензируемой статьи, менее существенны, чем её достоинства. Некоторые высказывания сформулированы не совсем чётко, так что у читателя появляется соблазн видеть в них недостатки логического порядка. Например, из положения «Появление понятий «образ будущего» и «образ города» в научном дискурсе происходит примерно в одно и то же время, во второй половине 20 века», в действительности, ничего не следует, «одновременность» может оказаться сугубо формальной чертой, никаких сущностных связей за ней может и не быть. Ещё одно похожее замечание возникает в процессе анализа использования автором ключевых для содержания статьи терминов. Так, в начале статьи автор – думается, оправданно, – говорит о «формировании понятийной определенности таких устойчивых словосочетаний, как «образ будущего» и «образ города»» как задаче предлагаемого исследования. А в заключительной части эти термины представляются уже как «понятия» (когда и на основании чего они были наделены этим статусом?), и уж совсем некстати он говорит о «концептуализации» этих «понятий». Но «понятия» не могут быть «концептуализированы», они просто не нуждаются в этом, они «уже» понятия, «концепты». (Соответственно, и название статьи предпочтительно скорректировать.) Продолжение этого предложения также оказалось неудачным, автор говорит здесь об «обосновлении» «философского содержания» этих «понятий», – обосновлении от чего? Встречаются некоторые неудачные выражения с точки зрения стилистики («использование наиболее теоретических значений этих понятий...»), опечатки («образ города – может быть рассмотрен», – зачем здесь тире?) и т.п. Однако подобные погрешности могут быть исправлены в рабочем порядке, считаю возможным рекомендовать статью к печати в научном журнале.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Скороходова Т.Г. — Этическая мысль Бенгальского Возрождения: открытие морали в индийской традиции (1815–1870) // Философская мысль. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.8.40991 EDN: WDFFDI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40991

Этическая мысль Бенгальского Возрождения: открытие морали в индийской традиции (1815–1870)**Скороходова Татьяна Григорьевна**

ORCID: 0000-0001-6481-2567

доктор философских наук, кандидат исторических наук

профессор, Пензенский государственный университет

440046, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40, каб. 12-218

✉ skorokhod71@mail.ru

[Статья из рубрики "Этика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.8.40991

EDN:

WDFFDI

Дата направления статьи в редакцию:

13-06-2023

Аннотация: В статье описано происхождение этической мысли Индии Нового времени. Автор прослеживает генезис этики в качестве формирующегося в трудах ключевых личностей эпохи Бенгальского Возрождения XIX – начала XX вв. Сопоставление с традиционной мыслью Индии позволяет представить интеллектуальный процесс в сознании новых элит Бенгалии как «открытие морали». На основе герменевтического анализа текстов по вопросам этики от Раммохана Рая и мыслителей основанного им общества Брахмо Самадж до Кришномохана Банерджи автор реконструирует становление индийской этической мысли в контексте их стремления к моральному возрождению традиционного общества. В исследовании впервые описаны генезис и становление размышлений индийских интеллектуалов о морали в её связи с состоянием социального упадка в колониальной Индии. Опыт мыслителей Бенгалии 1815–1870-х гг. показывает решение сверхзадачи нахождения этики в древних священных текстах и последующего выстраивания религиозно обоснованной этики. Сверхзадача решена методом интерпретации, позволяющим увидеть высокие моральные требования в возвышенной вере в единого Бога изначальной религии, противопоставленной

политеистическому индуизму. Результат применения этого метода воплощён в творческом и высоком представлении о морали индуизма, основанной на идее этического Бога-Творца. Бенгальские мыслители твёрдо убеждены в том, что вытесненная на периферию сознания индуистов мораль как кодекс нормативной этики должна возродиться и превратиться в ведущие императивы сознания народа.

Ключевые слова:

Современная индийская философия, Бенгальское Возрождение, этика, мораль, священные тексты, традиция, дхарма, монотеизм, Раммохан Рай, мыслители Брахмо Самаджа

Выдающийся философ Сарвепалли Радхакришнан в своей «Индийской философии» (1923–1927) описывал этику каждой религиозной традиции (ведийской, джайнской, буддийской) и каждой из шести ортодоксальных школ (*астика даршана*), стремясь доказать несостоятельность обвинения в отсутствии нравственного характера у индийской философии и собственно «этической философии в индийской древности» [1, с. 38]. К моменту публикации труда Радхакришнана эта исходившая от европейцев критика уже была не нова, как и индийская мысль об этике и морали, которая сформировалась в Новое время и чью линию защиты индигенной этической традиции воспроизводил и развивал индийский философ. Однако у европейских учёных были серьёзные основания для сомнений: особой дисциплины, занятой осмыслением добра и зла, добродетели и греха, ценностей и норм поведения и иных этических категорий в индийской философской традиции не существовало, хотя о полном отсутствии этической мысли говорить тоже некорректно. В отличие от европейской философской традиции, где этика как учение о морали появилась в период античной классики (и Аристотель дал ей имя), в Древней Индии представления о нормах, благе, добре и зле, благом и дурном входили в разные измерения духовной и социальной жизни и не способствовали оформлению морально-этической проблематики в особую область, подобную «практической философии» Европы.

В. Г. Лысенко отмечает изначальную вписанность добра и зла «в естественный ход развития как вселенной (...), так и общества и индивида», — отсюда отсутствие их строгого противопоставления и «однозначного распределения ролей между силами добра и зла» [2, с. 360]. Отсюда относительная релятивность обоих понятий в религиозной жизни и практике социального поведения. Аналог понятию «мораль» в индийской традиции представляет санскритское понятие «дхарма», которое, однако, по объёму много шире, и как «важнейшая понятийная универсалия индийской мысли, непереводимая на европейские языки каким-то одним термином по причине своей принципиальной многозначности» [3, с. 373], включает значения религии, религиозного закона, права и нормы поведения (универсальные и вполне конкретные социальные, дифференцированные по *варнам* и *джати*). Поэтому разные философские школы, осмысливая мораль, рассматривают дхарму в её общем и конкретном проявлениях — например, как оппозицию дхармы и *адхармы*, добродетели и порока в этике школы *вайшешика* [4, с. 220]. Включающая на общем уровне общезначимые моральные принципы (непринесение вреда (*ахимса*), непрелюбодеяние, правдивость, нестыжательство и т. п.), дхарма дифференцирована сообразно множеству объединённых в группы (*джати*) существ, каждая из которых занимает своё место в иерархии мироздания и исполняет

конкретную дхарму (*свадхарму*). В этом смысле человеку предпочтительнее исполнять свадхарму (социальный долг) сообразно своей *варне* (сословию), *джати* (касте) и одновременно стадии жизни (*ашрама*) согласно предписаниям священных текстов (*смрити*) [2, с. 361–362].

Область индивидуального поведения, также связанная с дхармой, но предполагающая «личную моральную ответственность человека за свои действия и соответственно моральную оценку этих действий» [5, с. 439], в индийской традиции описывает другой закон — *карма*. Здесь поднимаются этические вопросы соотношения блага и зла, устанавливается связь между деянием индивида и его дальнейшей жизнью и последующими рождениями. В. Г. Лысенко подчёркивает, что несмотря на абстрактный и пассивный характер ответственности за поступки прошлой жизни и фатализм кармы, она «неразрывно связана со свободой воли и этим отличается от фаталистического взгляда на мир», — сознательное действие отвечает вызовам судьбы [5, с. 439].

Существуя нераздельно с религиозными представлениями и культурными универсалиями дхармы и кармы, а также *мокши* (освобождение от цепи бесконечных перерождений (*сансары*) как цель и ценность), мораль в виде комплекса представлений о ценностях, нормах и правилах поведения регулировала социальную жизнь, но не была специальным объектом осмыслиения. Этическая мысль более ясно выражена в рамках неортодоксальных (буддизм и джайнизм) и ортодоксальных (*вайшешика*, *вишишта-адвайта* и *адвайта-веданта*) даршан, но в особую область философского знания с широким проблемным полем не определилась. Ситуация с этикой напоминает отсутствие социальной философии в индийской древности: при наличии раз и навсегда выработанной социальной доктрины брахманизма, в которой сущее неравенство и иерархии закреплены как должный социальный порядок, общество не стало достойно осмыслиения в глазах философов Индии вплоть до Нового времени.

Генезис этической мысли как самостоятельной области философского знания в Индии Нового времени относится ко времени вовлечения её народов в модернизационные процессы с конца XVIII — начала XIX вв. Своеобразный этический поворот в индийской философской мысли приходится на начало национально-культурного ренессанса в регионах Индии, ставших колониями Британской Ост-Индской компании и местом встречи индийской культуры с Западом [6–8]. Пробуждение интереса к морали как общественному феномену фиксируется в мысли представителей элит, соприкоснувшихся с европейской культурой и институтами (прежде всего образованием, наукой и правом) и одновременно хорошо осведомлённых о своей социокультурной традиции. Прежде чем оформиться в специальное направление мысли, в особую разновидность «практической философии» на индийской земле, сама этика поначалу оказывается философской проблемой. Истоком её стал вопрос о присутствии в родной религиозной традиции морали, которая укоренена в древности и ничем не уступает высокой морали других религий и культур. Отвечая на этот вопрос, мыслители воспользовались традиционным методом — чтением и толкованием священных санскритских текстов, в которых и нашли искомую высокую мораль. Это открытие морали было частью особого интеллектуального феномена, который Дж. Неру назвал «Открытием Индии» — постижением родной страны, её народа и культуры во всём богатстве её проявлений как в исторической ретроспективе, так и в современности [9, с. 160–206]. При этом поиск моральных принципов и нормативной этики на фоне знания о других религиях и этических системах был в известной мере сверхзадачей, так как для этого необходима была не только свежая адогматическая интерпретация содержания традиционных текстов, но и определённое понимание религии, задающее подход к морали и этике.

Начало общеиндийского интеллектуального и культурного процесса открытия и осмыслиения собственной традиции и наследия в поисках выхода из кризисной ситуации западного вызова обществу в экономической, политической, социальной и духовной жизни было связано с обширным регионом северо-востока Индии — Бенгалией; она ранее других территорий оказалась под управлением колониальной администрации, а её элиты первыми вступили в диалог с Западом, его культурой и цивилизацией, наследием и достижениями [10–12]. В Бенгалии новые интеллектуалы, вовлечённые во взаимодействие с колониальной властью в административно-правовой, экономической, образовательно-культурной и научной сферах, стремятся постичь состояние общества в разных его измерениях; наиболее явным итогом этого постижения оказывается понимание его как *морального упадка*. В терминах философии истории А. Дж. Тойнби это понимание ситуации как кризиса морали выглядит как перенос внешнего вызова Запада во внутреннее поле общества, о которого требуется ответ. Этот перенос и превращение внешнего вызова во внутренний моральный вызов обществу, по мысли Тойнби, совершают «возмутители спокойствия» (*challengers*), которые тем самым инициируют адекватный творческий ответ на внешний вызов и стимулируют рост цивилизации [13, с. 216].

С самого начала Бенгальского Возрождения в текстах и общественной практике реформаторов и просветителей — считая с родоначальника эпохи философа и общественного деятеля Раммохана Рая (1772–1833) — появляется острый и живой интерес к вопросам морали и этической проблематике. Он и стал возмутителем спокойствия, описавшим современное ему общество в Индии в терминах социального упадка. Ядром последнего, по сути, является упадок морали, связанный с деградацией религиозной жизни индуистов от древнего монотеизма к политеизму с его «идолопоклонством», обрядоверием и ритуализмом. Вердикт Раммохана был нелицеприятен и категоричен: именно забвение высокой морали и собственно человечности привело общество к масштабному распространению всевозможных социальных зол — от заражённости сознания суевериями и предрассудками, которые ввергают «огромную часть индийского народа в общественные и семейные неудобства и лишают их полезных устремлений» [14, т. II, с. 315], и до бесчеловечных обрядовых практик, подобных *сати* (самосожжению вдов). Раммохан ставит под вопрос самую цивилизованность такого образа жизни соотечественников, отмеченного оттенком варварства [14, т. II, с. 352–354]. Реформатор указал и на причины морального и социального кризиса; в нём повинны прежде всего брахманы, сотворившие и оберегающие кастовый порядок, который создаёт тотальную зависимость каждого человека от элит и от общества и пресекает свободное действие и инициативу [14, т. I, с. 21; т. IV, с. 930], а также полностью регулирует жизнь ритуальными запретами.

Благодаря Раммохану мораль и этика были фактически обозначены как проблемы: первая — в практике социальной жизни, поскольку требует изменений морального сознания и поведения людей; вторая — в сфере мышления, так как требует развитой традиции философствования об этических основах человеческого бытия. С тех пор мотив морального упадка и деградации стал одним из доминирующих в общественной мысли Бенгалии. «Мы никоим образом не можем удовлетвориться существующим положением дел. Нам жаль, что нас окружают столь несчастные и деградирующие соотечественники, и мы желали бы гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдохновляться стойким гражданским духом» [15, с. 22], — заявлял в 1838 г. младший современник Р. Рая Кришномохан Банерджи (1813–1885). Со временем возникшая у Р. Рая идея

возрождения как «усовершенствования» – национального в целом и в разных областях жизни, от духовной до светской (просвещение, культура, политика) [\[14, т. II, с. 316, 472–473\]](#) и как развития [\[14, т. II, с. 446\]](#) – непосредственно связывается с изменением морального состояния общества, прежде всего индуистской общины. «...От нравственного возрождения нашей страны зависит ее интеллектуальное, социальное и политическое возрождение», – заявил в 1876 г. молодой политик Сурендронатх Банерджи (1848–1925) [\[16, с. 241\]](#). В свете двух идей – морального упадка и насущной необходимости морального возрождения – возникает и развивается этическая мысль Бенгальского Ренессанса.

Хронологически развитие этической мысли можно разделить на два условных этапа. Первый, о котором речь пойдёт ниже, начинается с 1815 – года начала реформаторской деятельности Раммохана Рая и завершается 1870-ми годами – временем становления культурного национализма с его повышенным вниманием к основам индийской традиции и идентичности. Основанный Р. Раем «Брахмо Самадж» (1828; «Общество [поклонения] Брахмо (Единому Богу)») стал той духовной средой, которая стимулировала размышления над вопросами этики, и неудивительно, что брахмоисты могут быть по праву признаны родоначальниками этики Нового времени в Индии – как области философского знания и как социальной проблемы, укоренённой в особенностях сознания и поведения единоверцев-индуистов. Не без влияния их усилий со временем в художественной культуре Бенгалии, литературе и театральном искусстве 2 половины XIX в. развился феномен морализаторства – изображения явлений и поведения людей с позиции моральной оценки событий и поступков ради нравственного воспитания соотечественников [\[17\]](#). 1880–1910-е гг. – второй этап, на котором формируются этические концепции философов-неоиндуистов Бонкимчондро Чотопадхая, Свами Вивекананды и Ауробиндо Гхоса; процесс развития этической мысли выходит за пределы Бенгалии – интерес к моральным аспектам социальной и политической жизни проявляют общественные деятели и творцы культуры разных регионов [\[18\]](#).

Происхождение этической мысли прослеживается уже в первом из известных трактатов Раммохана Рая «Дар верующим в Единого Бога» (1804) [\[19\]](#), написанном как своеобразный итог диалога религий в его сознании [\[20, 9, с. 314–317\]](#) и экспозиция религиозно-философских идей этического монотеизма, которые будут развиты после начала его реформаторской деятельности с 1815 г. Под явным влиянием ислама, испытанным во время получения традиционного мусульманского образования, Раммохан постулировал в трактате этический характер Бога, что крайне важно для носителя индуистской традиции. Несмотря на присутствие этических компонентов в учении о Брахмане (Абсолюте) в Упанишадах и тождество космического порядка моральному (ведийское понятие рита), А. Швейцер специально отмечал, что Брахман сверхэтичен, и что, зная о частице Мировой души во всех существах и в себе, человек обязан относиться «ко всем существам с участием и состраданием», но брахманы этого «не потребовали» [\[21, с. 50\]](#).

По мысли Раммохана, от Бога исходит способность человека различать добро и зло; в ней заключено одно из оснований бытийного равенства людей. Этика обусловлена религией, но разнообразие религий породило разные её варианты из-за отличий представлений разных народов о добродетели и грехе. Гуманист Раммохан понимает грех как вред, нанесённый человеку, тогда как разные религиозные вожди и вероучители искажают это представление, подчиняя себе сообщества верующих и манипулируя ими. Невежественное большинство поэтому склонно верить в вождя во имя

«освобождения от грехов», которые вредят их духу и вредны для общества [\[14, т. IV, с. 945\]](#). В грехе (дурном действии) — Раммохан различает два измерения: духовное — нарушение нравственного запрета, и социальное — зло для других людей. Дабы оградить людей от вреда себе и другим, общества создают системы правил, поддерживаемые перспективой получения «вознаграждения и наказания за добрые и дурные поступки, совершенные в этом мире», и люди «воздерживаются от совершения незаконных деяний» [\[14, т. IV, с. 947\]](#) благодаря этике, обещающей наказание за грехи.

В «Даре» Раммохан впервые в новоиндийской мысли поднял проблему традиционного морального сознания: все ли правила поведения безусловно полезны человеку и социуму в деле поддержания морали? Ведь среди них — пищевые и прочие запреты, правила поддержания ритуальной чистоты и т. п. Ответ его вполне ясен; ритуальные правила и запреты бесполезны и несут лишения и трудности и людям, и обществу: «Имей эти воображаемые вещи какое-либо реальное воздействие, оно должно было бы быть общим для всех народов различных убеждений и не было бы ограничено верой и обычаями отдельного народа» [\[14, т. IV, с. 949\]](#). Только соотнесённое с высокой верой в Бога правило и заданное им действие/поведение представляется Раммохану моральным.

Прилагая эту этическую меру к эмпирии индийской социальной жизни и наблюдая поведение единоверцев, Раммохан увидел их моральный упадок. Наличные практики социального и религиозного поведения он расценил как «моральное унижение расы, которой я не могу помочь, но которая, думаю, способна к лучшим действиям, расы, чьи восприимчивость, терпение и мягкость характера приведут к лучшей, достойной её судьбе» [\[14, т. I, с. 74\]](#). В своей религиозной общине он заметил то, что культуролог Нирад Чоудхури сформулировал в XX в. как недостаток этических ценностей: «моральные заповеди составляют только часть во внушительной массе запретов, которые регулируют каждый аспект жизни инду» [\[22, с. 523\]](#). Раммохану это стало очевидно на фоне моральных заповедей Другой религии — христианства, которое он изучал от оригинальных текстов Нового Завета. В 1817 г. он сообщал, что «нашёл наставления Христа наиболее соответствующими моральным принципам и наиболее приспособленными для применения разумными существами, чем любые другие мне известные» [\[14, т. IV, с. 928–929\]](#). Его заповеди из четырёх Евангелий, Раммохан издал в 1820 г., убежденный, что «именно моральные заповеди, отделённые от других тем, содержащихся в Новом Завете, наиболее приемлемы, чтобы произвести желательное воздействие на совершение сердец и умов людей различных вероисповеданий и разных уровней понимания» [\[14, т. III, с. 484–485\]](#). Содержательно они охватили четыре аспекта этики: 1) грех, понимаемый как исходящие из сердца человека «злые мысли и дурные поступки» в отношении ближнего; 2) императив следования моральным заповедям для воздержания от греха в мысли и поведении, и неизменной возможности раскаяния; 3) императивы милосердия, прощения и сострадания как деятельное проявление заповеди любви к ближнему и 4) идея социального служения, направляемого любовью к Богу и ближнему. Отсюда у Раммохана широкий смысл морали как понятия, распространяющегося на «наше поведение по отношению к Богу, друг другу и к нам самим» [\[14, т. III, с. 560\]](#). Его универсалистская религиозная философия предполагала общие онтологические начала в каждой из существующей в человеческом мире религий, и потому в индуизме Раммохан подчёркивает присутствие «системы морали», хотя и в подчинённом религиозным целям (самопознание и постижение Бога) виде. Младший современник Раммохана Чондрошекхор Деб передал его высказывание о соотношении морали и вероучения в Ведах в сравнении с христианством: «моральные

заповеди Иисуса — это нечто совершенно выдающееся. Веды содержат те же уроки морали, но в разрозненном виде» [\[23, с. 97\]](#)). Из сопоставления и диалога индуизма и христианства у Раммохана и его духовных наследников появляется и решается проблема нахождения и обоснования нормативной этики в индуизме, в его священных текстах.

Раммохан нашёл «уроки морали» в ранних Упанишадах и в «Веданта-сутре» — его переводы на бенгали, хинди и английский вышли в 1815–1819, ещё до «Заповедей Иисуса». Помимо обоснования этического монотеизма в качестве подлинного содержания индуизма, философ высвечивает моральные требования и принципы, названные в текстах, и даёт им свежее истолкование.

В «Кратком изложении Веданты» нравственный принцип объявлен «частью поклонения Богу», долженствование (со ссылкой на «Веду») утверждено как следование этому принципу через контроль человека над своими страстями, чувствами и особенно дурными наклонностями, и совершение благих дел [\[14, т. I, с. 14–15\]](#), что безусловно полезно и для земной жизни, и для конечного спасения (вечного блаженства). Забвение моральных принципов Вед Раммохан тесно связывает с монополией брахманов на чтение и интерпретацию текстов [\[14, т. I, с. 3\]](#); они повинны в вытеснении единобожия и высокой морали на периферию сознания верующих, в замене добродетельного поведения скрупулёзным соблюдением церемоний, обрядов и правил касты [\[14, т. I, с. 15–16\]](#).

Авторитетнейшая «Иша-упанишада», в которой речь идёт об истинном знании и Высшем начале [\[24, с. 24–25\]](#), превращается благодаря предзаданной в предисловиях интерпретации в текст о подлинной морали и о неверном пути, избираемом стремящимися к праведности и спасению людьми, — пути обрядности и почитания множества богов [\[19, с. 377–379\]](#). Относительно краткий перевод-интерпретация вместе с небольшим Введением к ней — настоящий символ революции в индийской этической мысли, произведённой Раммоханом. Она состоит в утверждении, что высокая мораль индуизма, содержащаяся в его «священном писании», должна быть вновь открыта, прочитана, осмыслена и сделана основой человеческой и социальной жизни единоверцев, тогда как «пока от их взора скрыта истинная суть морали» [\[14, т. I, с. 74\]](#) по целому ряду причин, описанных в «Предисловии» к переводу; но открыть её снова возможно — «вместе с полным принятием и осуществлением этого великого и всеобщего принципа: поступай с другими так, как ты желаешь, чтобы поступали с тобой» [\[14, т. I, с. 74\]](#). Золотое правило морали задало содержание интерпретации стихов Иша-упанишады: в ней ему соответствуют речения: (1) «отвлекай сознание твоё от мирских мыслей, храни себя от самонадеянности и не питай зависти к имуществу любого человека» [\[14, т. I, с. 75\]](#) (Ср. в переводе А. Я. Сыркина: «...наслаждайся же отречением, не влекись к чужому добрю» [\[25, с. 171\]](#).); и (6) «Тот, кто постигает всю вселенную в Верховном Сущем (...) и кто также постигает Верховного Сущего во всей вселенной (...), не чувствует презрения в отношении любых созданий» [\[14, т. I, с. 76\]](#); (Ср. в переводе А. Я. Сыркина: «Поистине, кто видит всех существ в Атмане, и Атмана во всех существах, тот больше не страшится» [\[25, с. 171\]](#)). На этом фоне сущая мораль индуизма не просто не соотносится с возвышенной верой в Единого Бога и подлинным благом человека, но и строится на превратном понимании греха, которым считают нарушение пищевых и поведенческих запретов для поддержания ритуальной чистоты, а отнюдь не дурные поступки и даже преступления в отношении близких [\[14, т. I, с. 73–74\]](#).

Моральная жизнь общины фактически разрушена политеистическими верованиями и

богослужениями («идолопоклонством»), задавлена обрядностью и ритуализмом, питающими в свою очередь иррациональность, суеверия, предрассудки и общее невежество [14, т. I, с. 66]. Давно ушло в прошлое почитание «вымышленных образов» божества для удержания людей «от порочных соблазнов» [14, т. I, с. 64], по сути служившее моральным целям воздержания от греха. Текст Иша-упанишады, пересказанной Раммоханом, демонстрирует порочность слепого обрядоверия и ритуальных практик (в санскритском оригинале ритуалы вообще не обсуждаются) — без знания о Боге, истине и подлинной праведности. Они явно противоречат целям, которые Верховный Сущий «извечно определяет для всех созданий» [14, т. I, с. 76]; (Ср.: «Должным образом распределил [по своим местам все] вещи на вечные времена» [25, с. 172]). В современности обрядоверие и политеизм провоцируют конфликты и прямое насилие в общине [14, т. I, с. 67-68], что явно не способствует благу людей. Таким образом, нормативная этика найдена в священном тексте — через открытие в нём золотого правила морали с помощью интерпретации; иными словами, Раммохан решает сверхзадачу определения и открытия этики в традиции, которая прежде не задавалась подобными вопросами.

Решение этой сверхзадачи продолжается и в переводе «Катха-упанишады»; в Предисловии к нему «система истинной религии» с принципиально иной моралью» противопоставлена «кодексу идолопоклонства». Последний поддерживает религиозные и социальные практики, отчуждающие людей друг от друга и в общине, и от других групп и сообществ, и потому заведомо питающие унижение достоинства людей и допускающие бесчеловечные действия. По мысли философа, состоящее из «идолопоклонников» общество идёт по пути распада из-за предписанных «преступлений столь гнусного свойства, что их постыдятся совершать и самые дикарские народы...» [14, т. I, с. 45]. Истинная религия «определяет грех как злые мысли, идущие из сердца, безо всякой связи с соблюдением предписаний о питании и других формальных вопросах» [14, т. I, с. 46]. Для обоснования высокой этики в «Катха-упанишаде подошли 2 и 3 разделы 1 части, где различается благое (shreya — знание о Брахмане) и приятное (preya — знание о мирском), т. е. моральные и материальные ценности [24, с. 269]: «Хорошо бывает тому, кто держится благого, гибнет цель у того, кто выбирает из них приятное» [25, с. 101]. Связывая благое со знанием о Боге, Раммохан переводит «приятное» как «ритуалы, производимые ради воздаяния», — они исключают искомое верующим «вечное блаженство» [14, т. I, с. 50]. Только на путях познания Бога человеку открыто моральное поведение: «Никто не может обрести знания о душе без воздержания от дурных деяний; без контроля над [своими] чувствами и умом, но не может обрести его и с твёрдым умом, полным желания воздаяния» [14, т. I, с. 53], — переводит Раммохан, помня о традиционной идее непривязанности к результату деяния (Ср. в переводе А. Я. Сыркина: «Не отступающий от дурного поведения, беспокойный, несобранный, // мятущийся разум, поистине, не достигнет его даже с помощью познания» [25, с. 104]).

Раммохан Рай не только стал критиком устоявшихся представлений о моральной жизни, но и предложил свой метод решения сверхзадачи отыскания этики в индийской религиозной традиции: отправляясь о критики «народного» политеистического индуизма в части личного и социального поведения людей, следует искать высокие моральные заповеди, соотносимые с высокой верой в единого Бога, в священных авторитетных текстах изначальной религии. Критикой аморализма общины индуистов пронизаны тексты Раммохана; он видит истоки его в поведении богов, о которых повествуют пураны и

тантры, подающие верующим сомнительные образцы морального поведения [14, т. I, с. 99]. Воспитываясь на них — по сути, на «продолжительной череде разврата, чувственности, вероломства, неблагодарности, клятвопреступлений и предательства друзей» [14, т. I, с. 112], — индуисты из поколения в поколение воспроизводят такое поведение, вдохновляясь жизнеописаниями любимых богов — Кришны, Кали, Шивы [14, т. I, с. 99, 119]. Когда боги «полностью попирают всякий моральный принцип», то и люди, воспитанные в уважении к таким существам, не могут следовать высокой морали; в итоге всё общество идёт к «разрушению социального благополучия» [14, т. I, с. 98, 112]. Изменить ситуацию может обращение к древним заповедям морали в Ведах и Упанишадах, хотя и разрозненным, но вполне реальным, доступным пониманию. Особенно важной для соотечественников является опора на собственное древнее духовное наследие в открытии и подтверждении высокой этики индуизма, — речь идёт о её наличии прежде и *возрождении* теперь. А факт издания «Заповедей Иисуса» в условном методе Раммохана дополняет и содействует делу развития единоверцев: обращение к другому выдающемуся религиозно-этическому учению послужит обогащению морального сознания и чувств, служа дополнением к собственно индийской этике.

Первоначально наследниками метода Раммохана и продолжателями его этической мысли стали брахмоисты — общественные деятели и религиозные реформаторы. Среди основателей «Брахмо Самаджа» был младший соратник Р. Рая, предприниматель и благотворитель, покровитель просвещения и культуры Дароканатх Тагор. В период после кончины реформатора он поддержал Общество, а его сын Дебендронатх (1817–1905) возглавил Брахмо Самадж на рубеже 1830–1840-х гг. и придал ему новый импульс развития. Среди ряда начинаний Дебендронатха Тагора особое место принадлежит обоснованию нормативной этики «по методу» Раммохана Рая и развитие этической мысли.

В конце 1840-х гг. после обстоятельного изучения текстов Вед (*самхит*) и Упанишад Дебендронатх в поисках обоснования брахмоизма (общего вероучения в Самадже) сосредоточился на создании «Брахмо Дхормо Гронтхо» — новой священной книги, поскольку тексты индуистской традиции не отвечали этой цели [26, с. 180–189]. Среди занимавших реформатора в то время вопросов, по его собственному свидетельству, был вопрос о совершающем в земной жизни грехе и его последствиях для верующего. Должной ему представляется добродетельная жизнь согласно велениям Бога, чтобы снискать вечную жизнь в ином мире [27, с. 76–78]. В своих размышлениях он опирается на ранние Упанишады, говорит о «ведийских истинах», хотя и трактует их критически; он считает возможным искупление грехов после смерти «в сфере греха» — воздаяния с дальнейшим прощением и переходом в «соответствующие священные сферы» [27, с. 77]. Но именно на земле, в миру человек обретает мудрость, добродетель и святость, позволяющие душе в посмертном существовании идти «по святому и божественному пути» в «царство Брахмана» [27, с. 77–78]. Фактически тогда Дебендронатх опроверг традиционное представление о переселении душ, отражённое в Чхандогья-упанишаде (V. 10. 3–6) и связанное с идеей *кармы*: «Душа изначально рождается в человеческом облике, после смерти она будет принимать соответствующие формы и переходить из сферы в сферу, чтобы получить воздаяние за свои достоинства и недостатки, и больше не возвращаться сюда» [27, с. 77].

Отсюда у Дебендронатха следует первостепенное значение «заповедей добродетели», описанных в «Книге Брахмо Дхармы». Он пришёл к ним от убеждения в том, что «Только

те, чьи сердца очищены добрыми деяниями, могут стремиться к поклонению Брахману, и это самоочевидная истина» [27, с. 83]. Предназначенные для «ежедневного совершенствования характера» каждого брахмоиста, заповеди «морального кодекса» найдены в традиционных текстах «Махабхараты» и «Бхагавадгиты», некоторых тантр и особенно «Законов Ману». Уже в первой главе описан моральный идеал жизни в семье, основанной на любви и терпимости, уважении и служении друг другу. Нормативной этике в виде предписаний и рекомендаций из 16 глав посвящено десять: обязанностям и поведению супругов (2-3), соответствуя слова и дела (6), добродетели (8), проявлению милосердия (9), самоконтролю (10), моральным заповедям (11), избеганию злословия (12), отречению от греха (14) [27, с. 84]. По содержанию это индивидуальная нормативная этика, вполне вписывающаяся в традиционное для Индии представление об индивидуальном характере усилий человека по обретению спасения, освобождения, достижению религиозных целей и т. п. Но и это уже явилось серьёзным достижением в упорядочении нравственных императивов – с опорой на индигенную традицию, но в свете требований современности, остро ощущаемых брахмоистами.

Дебендронатх Тагор затрагивал проблемы нормативной этики также в проповедях на службах в Брахмо Самадже. Нередко он исходил из конкретных речений Упанишад и размышлял об отношениях человека к Богу и праведной жизни как их проявлении в мире. В частности, в одной из проповедей соответствие мысли и действия моральным законам признаётся одним из непреложных условий богопознания сообразно заповедям древних риши [27, с. 163]. Дебендронатх перечисляет эти моральные законы, которые Бог «безмолвно сообщает... сознанию» людей — среди них правдивость и справедливость («Говори истину. Поступай справедливо.»), недопустимость несправедливого заработка, зависти, прелюбодеяния, отказ от расточительности и сквердности, необходимость прощения ближнему прегрешений, терпеливое исполнение обязанностей и посвящение жизни зову долга, умеренность во всём и созидание добра; милосердие к бедным и угнетённым и т. д. [27, с. 164]. В этом списке заповедей должного многое напоминает евангельские мотивы — наряду с традиционными присущими индуизму нормами, хотя Дебендронатх и не был почитателем христианства и Библии; по словам его сына Шотендронатха, «Ему было достаточно индийских священных книг. Его религия была индийской по происхождению и выражению, индийской по идеям и по духу» [27, с. ix]. Особенno примечательно повеление «Не пренебрегай своим мирским и духовным благосостоянием (курсив мой. — Т. С.)» [27, с. 164], — словно реминисценция протестантской этики, признающей земное благополучие знаком особой благодати и результатом упорного труда, направляемого духом. Так вся жизнь должна быть пронизана этическим началом, если она посвящена Богу и цели спасения души.

Другую проповедь, основанную на стихе Атхарваведы (IV, 16) о пребывании Бога (Варуны) всегда и всюду рядом с людьми, Дебендронатх начинает с призыва: «Осознавая постоянное присутствие Бога среди нас, бойтесь совершить грех и усердно посвящайте себя осуществлению добрых дел» [27, с. 168], — как из страха перед его гневом и наказанием, так и из любви к нему и ради его благотворной поддержки и любви к человеку. Наконец, сообразно мотиву различия благого (шрейя) и приятного (прейя) из Катха-упанишады (I.2.1-2) Дебендронатх размышляет о проблеме конфликта между подлинным благом и удовольствием («добродетелью и мирским»). Красочное описание преследующих человека чувственных искушений — мирских удовольствий, богатства, власти, славы — служит иллюстрацией моши этой силы, противостоящей Праведности. Отказ от искушений Мирского ещё не решает конфликта, поскольку человек проходит духовный кризис в поиске пути к подлинному Благу. Избавление, по

мысли Дебендронатха, приходит благодаря откровению в душе: «Добротели должно следовать ради неё самой, и в счастье, и в беде. Помни, что этот мир не является целью человеческого существования; это состояние человека в этой жизни — состояние испытания, обучения и тренировки. Через печаль и страдания, через опасности, риск и самопожертвование он движется по пути добродетели, а при определённом критическом стечении обстоятельств он даже может быть призван с радостью отдать жизнь за то, чтобы была исполнена воля Бога». Реформатор подчёркивает, что сама добродетель и есть награда за неё, а «молчаливое одобрение совести — награда самого Бога» [\[27, с. 179\]](#).

Опираясь на авторитетные тексты индуистской духовной традиции, Дебендронатх Тагор создал своего рода модель движения этической мысли: речения в *шрути* и *смрити* о морали, заповеди и предписания служат отправным пунктом размышлений о нормативной этике; в них разными путями могут попадать этические идеи и концепции иных традиций и культур и вписываться при интерпретации как часть собственной традиции. Бог как моральный Сущий становится тем идеалом, с которым соотносятся и моральные нормы, и сами размышления об этике, что позволяет непротиворечиво представлять нормативную этику как неотъемлемую часть подлинного/истинного индуизма.

Если Дебендронатх Тагор размышлял в основном о моральных чувствах, сознании и поведении личности, то о социальном содержании морали писал его соратник, общественный деятель, учёный и писатель Оккхойкумар Дотто (1820–1886). Вышедшая в 1856 г. книга «Этика» («Дхормонити») стала, по словам Д. Копфа, «вершиной идеологического поиска в области применения к этике его понятия о естественном законе с целью гармонизировать социальные отношения и содействовать прогрессу. Его главными пунктами были: подтверждение его действской веры, что слово Божие пребывает в его творении; открытие этических принципов, управляющих творением и предназначенных Богом как настоящие факторы социального усовершенствования; и ответственность человека за применение этих этических принципов в политике, экономике и других областях общества ради прогресса человеческого рода» [\[28, с. 51–52\]](#). Написанная для соотечественников и щедро снабжённая примерами из повседневной бенгальской жизни, этика Оккхойкумара по-просветительски универсальна и в представлениях об общей природе человеческой морали, «естественных законах», склонности к общественной жизни (в противовес одиночеству), – как и в убеждении в том, что нормы, правила и законы имеют истоки в Боге. Даже исконно индийское понятие дхармы Оккхойкумар истолковал как «соответствие законам природы», тем самым делая его «светским» или «натуралистическим» [\[29, с. 244; 338\]](#). В социальной мысли он был прямым наследником Раммохана Рая, к которому питал огромное уважение, и чьи труды «научили его критическому методу исследования индийских религий, общества, нравов и обычаяев» [\[30, с. 40\]](#). Со своим критическим отношением к Ведам (в итоге поддержаным Д. Тагором), Оккхойкумар не нуждался в священном авторитете текста, считая, что «Весь мир — это наше Священное писание. Чистое знание само есть наш Наставник» [\[30, с. 44\]](#), и что Бог и есть Природа.

Этическая мысль О. Дотто развивается под сильным влиянием европейской философии и науки Нового времени. Он исходил из богоданной природы норм, которым должен следовать человек, если он желает достичь счастья: «...Чем больше наши способности интеллекта и благочестие будут постепенно развиты, тем более успешны мы будем, тем больше будет расширяться горизонт нашего счастья» [\[31, с. 164\]](#). Однако это счастье

достигается благодаря разумному балансу между следованием собственным интересам человека и его вниманием к интересам других людей и сотрудничеству с ними в общем стремлении к благополучию и счастью, т. е. эгоизмом и альтруизмом [31, с. 167–168; 32, с. 155]. Оккхойкумар Дотто сосредоточен на социальных проблемах своего общества, на поверку оказывающихся нарушением естественных законов морали. Они проявляются в одном из самых характерных его объединений — в семье. Здесь и детские браки (моральное насилие отца над детьми), и пожизненное вдовство женщин, и полигамия, и подчинение женщин мужчинам — главным виновникам наличной ситуации. Убеждённый, что человек создан и живёт для счастья и обладает «инстинктом счастья» [32, с. 154], мыслитель принимает за должное состояние счастья и гармонии в семье, и потому считает необходимым преодоление этого «упадка в обществе». Для этого, с одной стороны, он отсылает читателей «Этики» к священным текстам шастр, где находит отличные от современных нормы гендерных отношений (вторичное замужество вдов и даже право на развод в случае несходства характеров или жестокости), а с другой — отстаивает гендерное равенство, идеал моногамного брака в расцвете сил, заключаемый равными по уровню образования супругами и т. д.).

Поскольку проявления аморальности очевидны и в других областях общественной жизни — как, в частности, в угнетении, прямом насилии и преступлениях по отношению к крестьянству власть имущих [31, с. 168–172], — Оккхойкумар Дотто видит выход прежде всего в развитии нравственного воспитания как важнейшего компонента всеобщего образования для соотечественников. Он должно начинаться в семье (для всех её членов) и продолжаться в современных учебных заведениях. «Через образование... мы усваиваем физические и духовные правила Бога», — пишет он, отмечая, что оно «формирует наше поведение, просвещает нас относительно нашей моральной ответственности друг перед другом», поскольку «обращаясь хорошо с другими и создавая условия для их счастья, мы делаем счастливым человеческое общество» [28, с. 53].

Интенция социального реформаторства и воспитания сознания единоверцев, руководившая Оккхойкумаром Дотто, позволила ему обосновать этический подход к пониманию социальной реальности, в котором все события, состояния и процессы проверяются на соответствие требованиям морали — будь то религиозной или светской; и уже исходя из несоответствия или прямого нарушения избирается путь решения проблемы и преодоления социальных пороков в строгой соотнесённости с этическим идеалом.

В 1861 г. в Лондоне вышла книга Кришномохана Банерджи «Диалоги об индусской философии» [33], где помимо критики индийских ортодоксальных школ ньяи, санкхьи и веданты с «христианоцентричной» позиции было обсуждение морали индуизма. Автор — брахман по происхождению (клан Бондопаддхай), ученик Г. В. Л. Дерозио, принявший христианство и ставший священником англиканской церкви, предложил прямо противоположное брахмоистскому решение вопроса о присутствии нормативной этики в священных текстах и даршанах индуизма. Более того, на поверку критического и логического анализа мораль брахманизма и его философских школ выглядит не просто неразработанной, но практически отсутствующей — что Кришномохан и доказывает ссылками на оригинальныесанскритские тексты, включая Упанишады.

В частности, обсуждая доктрины Веданты, Кришномохан определяет тождество Бога и человека, Бога и мира как пантеизм, чьи моральные последствия в самом основании

противоречивы. «Основатель системы сам озабочен тем, чтобы его последователи постоянно исполняли свой долг в отношении Бога и человека. Но если Бог и человек идентичны, то в жизни между ними не может существовать никакого отношения, которое породило бы конкретное представление о долге (duty). Если во всём мире — одна единственная сущность, тогда “кто относится или исполняет обязанности, и в отношении кого?” — говорят Упанишады (Брихадараньяка. — Т. С.). Там, где есть различия между личностями, один может исполнять обязательства перед другим. Но такой взаимный обмен обязательствами невозможен там, где всё едино. Было бы абсурдно говорить, что кто-либо может почитать себя или осуществлять богослужение самому себе. Заметим, что это тождество атмана и Брахмана смущало и Дебендронатха Тагора, который отверг его по той же причине и по моральным соображениям, как источник гордыни и эгоизма: «... Что я сам — Верховное Божество, — такое хвастовство является источником всякого зла и это следует осудить. Мы, ограниченные тысячами мирских сует, погруженные в уныние и печаль, грехи и зло, — что может быть более странно, нежели то, что мы должны рассматривать себя как вечных, свободных и самосущих?» [\[27, с. 100\]](#). Так и по мысли К. Банерджи, авторы-ведантисты самоуверенно утверждают, что они не подчиняются никакому праву, никаким правилам, и что совершенно нет ничего подобного добродетели или пороку, предписанию или запрету» [\[33, с. 381\]](#). Отсюда — отказ от всяческого различия между правильным и дурным — всей морали, религии, науки и философии, что приводит природу человека в состояние хаоса и потому разрушает и духовную, и общественную, и семейную жизнь, поскольку всё это — *вьявахарика*, т. е. условные идеи. Общая тенденция текстов, по мысли К. Банерджи, — скорее имморализм, к тому же освящённый авторитетом Вед.

Коренной недостаток всех рассмотренных К. Банерджи систем индийской мысли заключается в отсутствии связи моральных принципов с природой Бога. Так, *миманса* Джаймини оказалась «законом без законодателя, откровением без Бога» [\[33, с. 77\]](#), потому что его интересовала только приверженность ритуалу Вед, а сказанное им о Боге отрицает «Его промысел и Его моральное управление миром» [\[33, с. ix\]](#). *Ньяя* очень мало интересуется этикой, в её учении признаётся вечность всех душ, которые «сами по себе есть миниатюрные боги» — самосущие и независимые, без всякой связи с Богом-Моральным Управителем вселенной; отсюда фактическое признание «миллиона независимых принципов, т. е. *гаурава* — ненужное умножение причин, антифилософское и антирелигиозное, и потому являющееся насилием над нашими моральными убеждениями и религиозными институтами» [\[33, с. 165–166; с. 214–217\]](#). *Санкхья* — атеистическая по сути школа — отрицает высший источник и причину морали, поэтому заявленная в ней «свобода души» (*пуруши*. — Т. С.) совсем не предполагает её морального величия: «Не может быть ни какого морального величия без моральной силы (*agency*), как и моральной силы без выбора действия», в т. ч. противостояния дурным искушениям и злу [\[33, с. 261\]](#). После рассмотрения моральных предписаний шастр и примеров поведения героев пуран и Махабхараты, К. Банерджи пришёл к заключению, что в брахманизме присутствует стойкая тенденция «к моральному ухудшению», чему свидетельством отсутствие неприятия и осуждения аморального поведения богов и героев пуран и других популярных у верующих сказаний [\[33, с. 519–520\]](#). Современникам К. Банерджи адресует упрёк в формальности моральных предписаний текстов: «Вы заявляете, что ваша система морального достоинства внушает сострадание ко всем божиим созданиям. Но похоже, что ваши максимы предназначены для одних только изящных эссе и красноречивых выступлений. У вас и мысли нет, чтобы воплотить их в практике жизни» [\[33, с. 9–10\]](#).

У К. Банерджи обозначился антитезис брахмоистской интенции доказать моральную природу Бога, этический характер монотеизма Вед и присутствие строгой морали в индуизме путём новой интерпретации священных текстов. При этом он сохранил восходящее к Раммохану Раю критическое отношение к богам пантеона индуизма, демонстрирующим аморальное поведение, и характерные для мыслителей Брахмо Самаджа размышления о необходимости высшего истока морали, найденного в отношениях Бога и верующих. Кришномохана отличает *иная позиция* в понимании этики: христианство и его мораль служат идеалом, с которым сопоставляются индуистские представления в этой области и сходства с ним не обнаруживают.

Неудивительно, что и в Брахмо Самадже после появления в нём молодого лидера Кешобчондро Сена (1838–1884), глубоко увлечённого Христом и христианством, обозначилось снижение интереса к интерпретации священных санскритских текстов для обоснования инноваций и подкрепления реформаторских инициатив. Его этические размышления выстроены вокруг идеи Бога как «морального управителя вселенной», его заповедей и идеи греха. Мораль, по мысли Кешобчондро, отлична от религии только по сфере применения в человеческой практике; у них «общий корень» (отношения и обязанности человека к Богу): «Видеть Бога — это религия, слышать Его — это мораль» [34, с. 61]. Этики не может быть без религии, т. к. в морали пребывает Бог, который не просто есть в человеке как дух, но и работает в нём — «активно учит и ведёт нас», а люди, осознавая его как повелевающий глас в душе, следуют своей моральной интуиции — совести. Отсюда и этика — «наука повиновения Богу», которого человек знает [34, с. 61]. Сердцевина этики Кешобчондро — золотое правило, известное с древности и универсальное, подтверждаемое в священных текстах и речениях пророков. «Индусские священные писания внушают эту доктрину словами: *Атманам сарва бхутешу* (Во всех живых существах есть подобие атмана. — Т. С.); параллельный ему фрагмент в Библии звучит как “Возлюби ближнего как самого себя”» [34, с. 138], — говорит Кешобчондро, отмечая её ценность для социальных отношений и поведения. Мораль начинается с любви к себе самому и осознания необходимости любить других как детей общей семьи Бога; отсюда — возрастание любви к ближним, что проявляется и в делании им добра, заботе о благе и удобстве других, об их счастье [34, с. 140]. Здесь смысловое, а отнюдь не содержательное совпадение оказывается лишь отправной точкой размышлений об общечеловеческой этике и разъяснений её содержания. Только в поздних текстах («Новое осуществление», 1883) Кешобчондро Сен обращается к интерпретации священных текстов индуизма сообразно своему новому эклектично-универсальному учению, но там этика — лишь одна из множества других его тем.

Опыт поиска нормативной этики у брахмоистских мыслителей интересен решением особой сверхзадачи: из разрозненных суждений и идей, обусловленных разными эпохами и социальными контекстами древнеиндийской цивилизации и присутствующих в разных текстах, — от Вед (*самхит*) и Упанишад и до текстов философских школ выстроить упорядоченное и религиозно обоснованное содержание этики. Сверхзадача решена методом интерпретации имевшихся наиболее авторитетных текстов и примыкавших к ним традиционных размышлений о морально правильном поведении человека, — в сопоставлении (явном и имплицитном) с другими этическими учениями и представлениями о морали, прежде всего иудеохристианского происхождения. Решение сверхзадачи видится в создании возвышенного представления о морали индуизма, сложившейся в древности благодаря осознанию этического характера Бога-Творца мира и человека. Мораль — это комплекс предписаний нормативной этики, который со временем был вытеснен на периферию сознания верующих индуистов разнообразными

перипетиями социальной истории, однако в современности им наступило необходи́мо её возрождение и превращение в ведущие требования морального сознания к поведению людей. При этом возрождённая этика введена в общий контекст универсальной человеческой морали и понимается как равнозначная другим аналогичным этическим учениям.

Библиография

1. Радхакришнан С. Индийская философия. В 2-х тт. Т. 1. М.: Миф, 1993.
2. Лысенко В. Г. Добро и зло // Индийская философия. Энциклопедия. Отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Аспект пресс, Гаудеамус, 2009. С. 360–362.
3. Шохин В. К. Дхарма // Индийская философия. Энциклопедия. Отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Аспект пресс, Гаудеамус, 2009. С. 373–378.
4. Лысенко В. Г. Вайшешика // Индийская философия. Энциклопедия. Отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Аспект пресс, Гаудеамус, 2009. С. 212–221.
5. Лысенко В. Г. Карма // Индийская философия. Энциклопедия. Отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Аспектпресс, Гаудеамус, 2009. С. 438–445.
6. Bhushan Nalini, Garfield Jay L. Minds Without Fear. Philosophy in the Indian Renaissance. N.Y.: Oxford University Press, 2017.
7. Panikkar, K. N. Colonialism, Culture and Resistance. New Delhi: Anthem Press, 2007. 212 p.
8. Ghose Sankar. The Renaissance to Militant Nationalism in India. Bombayetc.: AlliedPublishing, 1969.
9. Скороходова Т. Г. Понимание Другого и диалог в философии Бенгальского Возрождения. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022.
10. Dasgupta, Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. Delhi: Permanent Black, 2012.
11. Dasgupta, Subrata. Awakening: the Story of the Bengal Renaissance. Noida: Random HousePublishers, 2010.
12. Скороходова Т. Г. Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.
13. Toynbee A. J. Study of History. Vol. III. L.: Oxford University Press, 1948.
14. Roy, Raja Rammohun. The English Works / Raja Rammohun Roy / Ed. by J.C. Ghose. In 4 vols. New Delhi: Cosmo, 1982.
15. Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century. Selected Documents / Ed. by G. Chattopadhyaya. Calcutta: Progressive Publishers, 1965.
16. Banerjee Surendranath. The Study of Indian History // Nationalism in Asia and Africa. N. Y., Cleavland, L.: Widenfield, 1970. P. 225–244.
17. Скороходова Т. Г. Морализаторство как феномен мысли и культуры Бенгальского Ренессанса // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2018. Вып. 63. С 77–95.
18. Челышева И. П. Этические идеи в мировоззрении Вивекананды, Б. Г. Тилака и Ауробиндо Гхоша. М.: Наука, 1986.
19. Рай Раммохан. Избранные произведения // Скороходова Т. Г. Философия Раммохана Рая. Опыт реконструкции. СПб: Петербургское Востоковедение, 2018. С. 332–403.
20. Zaidi Zahida. CurrentsofThoughtinTuhfat-ul-Muwahiddin // Granthana. Indian Journal of

- Library Studies. Vol. VI. № 1&2. Calcutta, 1999, January. P. 43–56.
21. Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика / Пер. с нем. М.: Алетейя, 2002.
22. Chaudhuri Nirad. Autobiography of Unknown Indian. Mumbai, Delhi: Jaico Books, 2003.
23. Datta Amlan. Religion and Rationalism: Road to Emancipation // Raja Rammohun Roy and the New Learning. Raja Rammohun Roy Memorial Lectures / Ed. by B. P. Barua. Calcutta: OrientLongman, 1988. P. 93–100.
24. Сыркин А. Я. Предисловие // Упанишады / Пер. ссанскр. и коммент. А. Я. Сыркина: в 3 т. Т. II. М.: Ладомир, 1992. С. 14–32.
25. Упанишады / пер. ссанскр. и коммент. А. Я. Сыркина: В 3 т. М.: Ладомир, 1992. Т. 2.
26. Тагор Дебендронатх. Автобиография / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. Т. Г. Скороходовой. М.: ЦИИИВРАН, 2007.
27. Tagore Devendranath. The Autobiography. Transl. from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta: S.C. Lahiri & Co., 1909.
28. Kopf D. Brahmo Samaj and Making of Modern Indian Mind. Princeton: University Press, 1979.
29. Halbfass W. India and Europe. An Essay of Philosophical Understanding. Albany: SUNY Press, 1988.
30. The Bengali Intellectual Tradition: From Rammohun Roy to Dharendranath Sen / Ed. by A. K. Mukhopadhyay. Calcutta: Bagchi, 1979.
31. Bhattacharjee K. S. The Bengal Renaissance: Social and Political Thought. New Delhi: Classical Publishing Company, 1986.
32. Poddar A. Renaissance in Bengal. Quests and Confrontations. 1800–1860. Simla: Indian Institute of Advanced Studies, 1970.
33. Banerjea Krishna Mohun. Dialogues on the Hindu Philosophy. L.–Edinburgh: Williams and Norgate, 1861.
34. Sen Keshub Chunder. Essays: Theological and Ethical. 3rd ed. Pt 1. Calcutta: Brahmo Trust Society, 1889.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи возвращается к известной историко-философской проблеме определения специфики этической мысли в традиции индийской философии. Как показывается в первых параграфах, распространённые среди европейских исследователей представления о том, что в индийской философии (и шире – культуре) не уделялось специального внимания рефлексии о месте добра и зла в жизни человека, имеют под собой определённые основания. Во всяком случае, в традиции индийской философии нет «особой дисциплины, занятой осмыслением добра и зла, добродетели и греха, ценностей и норм поведения и иных этических категорий». Однако автор соглашается с теми, кто указывает на присутствие этической составляющей «в разных измерениях духовной и социальной жизни», что, естественно, препятствовало конституированию этики в качестве «особой области» философии, как это имело место в европейской традиции. Следует заметить, что отсутствие привычной для европейцев дифференцированности предметной области философии в индийской культуре может

свидетельствовать и о слабости индивидуального начала в индийской философии, поскольку в западной традиции наряду с объективными факторами именно «ограниченность» (способностей, интересов, устремлений и т.п.) индивидов в значительной мере влияла на становление дисциплинарной структуры философского знания. Положение меняется лишь на рубеже 19-20 вв., когда индийская мысль встречается с западным влиянием: «Своебразный этический поворот в индийской философской мысли приходится на начало национально-культурного ренессанса в регионах Индии, ставших колониями Британской Ост-Индской компании и местом встречи индийской культуры с Западом». Лишь контакт «индийских элит» с «европейской культурой и институтами (прежде всего образованием, наукой и правом)» способствует становлению социально-этической мысли как самостоятельного элемента своеобразной индийской философии. Основная часть текста посвящена как раз описанию этого процесса, протекавшего, по утверждению автора, на протяжении почти всего 19 в. Его завершение приходится на 70-е гг., время становления «культурного национализма с его повышенным вниманием к основам индийской традиции и идентичности», ограничивающего возможность указанного взаимодействия с западной культурой. Следует констатировать, что автор весьма профессионально и увлекательно описывает процесс поиска этических оснований в индийской традиции и их систематизацию. «Вытесненное на периферию сознания верующих индуистов разнообразными перипетиями социальной истории», морально-этическое учение должно было быть возрождено и введено в «общий контекст универсальной человеческой морали», – решение этой «сверхзадачи» и составляет результат усилий индийских учёных Нового времени. Оценивая в целом статью весьма высоко, следует указать и на некоторые её недостатки. Большая часть текста носит описательный характер, «аналитическая составляющая» проявляется лишь «на микроуровне», там, где автор говорит о содержании конкретных концепций. Думается, текст может быть в этой связи существенно сокращён без ущерба для концептуальной составляющей (тем более, что объём статьи составляет более 1,2 а.л.). Целесообразным представляется также решение структурировать текст, снабдив его подзаголовками. И если во вводной части (не выделенной, правда, в отдельный фрагмент) автор довольно удачно представляет «заязку» всего повествования, то внятное заключение отсутствует, краткие замечания последнего параграфа вряд ли могут рассматриваться в качестве ответа на вопросы, сформулированные в начале статьи. Однако эти замечания не препятствуют возможности рекомендовать статью к печати в научном журнале.

Англоязычные метаданные

New Communication Technologies in the Context of Socialization Processes in the Information Society

Petrov Mikhail

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of Philosophy, Siberian Federal University

660041, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, 82A Slobodny Ave., room 428

 mipet@yandex.ru

Abstract. The object of this study is the modern social reality, the appearance of which is formed by the creation, use and improvement of new communicative technologies. The subject of the study is the socio-ontological foundations of the influence of new communication technologies on the processes of socialization of the individual in the information society. The purpose of this work is to identify and comprehend the socio-ontological features of those transformations of communicative reality that are characteristic of the current state of the development of the information society. The methodological foundation of this work is the methods and approaches to considering the communicative specifics of the information society, developed by such researchers as M. Castells, L. Floridi, F. Webster and others, as well as representatives of domestic socio-philosophical studies of this issue. In the course of the research, the author used hermeneutical and analytical-interpretive methods, and involved the means of conceptual analysis. The scientific novelty of the work consists in revealing the socio-ontological content of the influence of new communication technologies on the communication architecture of the developing information society, in assessing the socio-philosophical tasks arising in connection with the ongoing changes. The key conclusion of the study is that the heterogeneity of social and technological transformations that shape the image of a society called information society necessitates a pluralistic approach to the conceptualization of its ontological features and the importance of critical reflection of the conceptual units used.

Keywords: informatization, intensification of communicative processes, information culture, communicative technologies, society of knowledge, social ontology, socialization, communication, digitalization, information society

References (transliterated)

1. Orlov S.V. Filosofiya informatsionnogo obshchestva: novye idei i problemy // Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve. 2013. № 1. S. 10-24.
2. Abdeev R.F. Filosofiya informatsionnoi tsivilizatsii. M.: VLADOS, 1994. 336 s.
3. Chernavin Yu.A. Kommunikativnyi status lichnosti v informatsionnom obshchestve // Tsifrovaya sotsiologiya. 2022. T. 5. № 2. S. 33-42.
4. Lauer R. Predshestvuet li sotsial'naya ontologiya metodologii sotsial'nykh nauk? // Voprosy sotsial'noi teorii. 2022. T. XIV. S. 21-43.
5. Sukhanov A.P. Mir informatsii (istoriya i perspektivy). M.: Mysl', 1986. 202 c.
6. Gorbunov A.S. Aspeky sotsializatsii lichnosti v informatsionnom massovom obshchestve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.

- Seriya: Filosofskie nauki. 2019. № 1. S. 60-68.
7. Tikhomirov N.V. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii kak faktor sovremennoi sotsializatsii: problemy i vyzovy // Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta. 2019. № 1. S. 194-197.
 8. Luk'yanov G.I. Sotsial'naya ontologiya o probleme bytiya // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. T. 44. S. 151-156.
 9. Antonovskii A.Yu., Barash R.E. Kak vozmozhna sotsial'naya ontologiya s tochki zreniya epistemologii i filosofii yazyka? // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. 2022. T. 26. № 3. S. 245-260.
 10. Kimelev Yu.A. Filosofskie i sotsiologicheskie kontseptualizatsii sotsial'noi ontologii // Sotsiologicheskii ezhegodnik. M.:INION RAN, 2015-2016. S. 187-215.
 11. Rozov N.S. Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 1: Prolegomeny. M.: Logos, 2002. 656 s.
 12. DeLanda M. Novaya ontologiya dlya sotsial'nykh nauk // Logos. 2017. T. 27. № 3. S. 35-56.
 13. Kerimov T. «Ontologicheskii poverot v sotsial'nykh naukakh: vozvrashchenie epistemologii // Russian Sociological Review. 2022. T. 21. № 1. S. 109-130.
 14. Orlov S.V. Informatsionnoe obshchestvo i sotsial'naya filosofiya // Filosofiya i kul'tura informatsionnogo obshchestva. Desyataya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. SPb.: GUAP, 2022. S. 118-120.
 15. Webster F. Theories of the Information Society. London, New York: Routledge, 2006. 404 p.
 16. Stonier T. Information and the Internal Structure of Universe. Berlin: Springer-Verlag, 1990. 155 p.
 17. Lenski, W. Information: A Conceptual Investigation // Information. 2010. Vol. 1. P. 74-118.
 18. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii. M.: Izdatel'skii dom VShE, 2016. 564 s.
 19. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M.: GU VShE, 2000. 608 s.
 20. Agatstsi E. Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyah // Voprosy filosofii. 2012. № 10. S.3-19.
 21. Jonscher C. The Evolution of Wired Life. New York: Wiley. 2000. 304 p.
 22. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1976. 616 p.
 23. Sukhanov A.P. Informatsiya i chelovek. M.: Sovetskaya Rossiya, 1980. 208 s.
 24. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 188 p.
 25. Kurilkina V.E. Ontologiya informatsionnogo obshchestva // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. 2014. № 5. S. 49-53.
 26. Taratuta E.E. Filosofiya virtual'noi real'nosti. SPb., 2007. 147 s.
 27. Lazarevich A.A. Stanovlenie informatsionnogo obshchestva: kommunikatsionno-epistemologicheskie i kul'turno-tsivilizatsionnye osnovaniya. Minsk: Belaruskaya Navuka, 2015. 537 s.
 28. Floridi L. Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2015. 405 p.
 29. Borgmann A. Holding On to Reality. The Nature of Information at the Turn of the Millennium. Chicago: University of Chicago Press, 2000. 282 p.
 30. Hongladarom S. The Online Self. Externalism, Friendship and Games. Springer

- International Publishing, 2016. 171 p.
 31. Grimov O.A. Tsifrovaya real'nost': sotsial'naya ontologiya i metodologiya empiricheskogo izucheniya // Slozhnost'. Razum. Postneklassika. 2019. № 3. S. 52-50.

The Subject of Madness in L. Binswanger's Existential Psychoanalysis

Tsvetkova Olga Alekseevna

Lecturer, Department of Fundamentals of Clinical Psychoanalysis, VO "Moscow Institute of Psychoanalysis";
 Postgraduate student, Department of the History of Anthropological Doctrines, Institute of Philosophy RAS

109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12

✉ tsvetkovaolgaal@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the madness in psychoanalysis. The author considers the problem of naturalistic and phenomenological understanding of the subject of madness in psychoanalysis of Z. Freud and in the existential psychoanalysis of L. Binswanger. The methodological basis is the psychoanalysis of Z. Freud, M. Heidegger's ontology and E. Husserl's phenomenology. L. Binswanger's critique of classical psychoanalysis is presented. The key differences of the definition of the subject in L. Binswanger's existential psychoanalysis are formulated. Naturalism is criticized for the lack of integrity in the consideration of man. Existential analysis is based on the idea that human existence is primary. To reduce a person's life to his drives and instincts means to deprive him of Humanity. L. Binswanger goes further than Z. Freud in his anthropology, arguing that man is more than a being thrown into the cycle of life and death, he can face his fate, the fate of humanity, he not only obeys the forces of life, but can also influence them by changing his fate. Mental health and illness are a reflection of this duality of being – acceptance of the given and individual choice. Madness is a rejection of transcendence, self-isolation in a self-created world-project, when both external and internal are only acting out its scenario, and the freedom of being is avoided, because it appears as a harbinger of non-existence.

Keywords: Binswanger, Dasein, subject, madness, philosophy of psychiatry, psychoanalysis, existential psychoanalysis, phenomenology, objectivism, naturalism

References (transliterated)

1. Rudnev V.P. Entsiklopedicheskii slovar' bezumiya. M.: Gnozis, 2013.
2. Askay R., Farquhar J. Being unconscious: Heidegger and Freud // The Oxford Handbook of Philosophy and Psychiatry. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1227–1245.
3. Freid Z. Nabrosok psikhologii: kriticheski-istoricheskoe issledovatel'skoe izdanie. Izhevsk: Ergo, 2015.
4. Askay R., Farquhar J. Of Philosophers and Madmen A disclosure of Martin Heidegger, Medard Boss, and Sigmund Freud. Amsterdam, New York, N.Y.: Rodopi B.V., 2011.
5. Summers F. Psychoanalysis, the Tyranny of Objectivism, and the Rebellion of the Subjective // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. Int. J. Appl. Psychoanal. 2012. No. 9(1). P. 35–47.
6. Khaidegger M. Bytie i vremya. M.: Akademicheskii proekt, 2015.
7. Giampieri-Deutsch P. Psychoanalysis: Philosophy and/or Science of Subjectivity? Prospects for a Dialogue Between Phenomenology, Philosophy of Mind, and Psychoanalysis // Founding psychoanalysis phenomenologically. Phenomenological

- theory of subjectivity and the psychoanalytic experience. Heidelberg: Springer, 2012.
- P. 83-103.
8. Binswanger L. Analyse existentielle et psychanalyse freudienne. Paris: Gallimard, 1970.
 9. Binswanger L. Daseinsanalyse, Psichiatria, Psicoterapia. Milano: Raffaello Cortina Editore, 2018.
 10. Basso E. L'épistémologie clinique de Ludwig Binswanger (1881–1966): la psychiatrie comme science du singulier // Histoire Médecine et Santé. 2014. No. 6. Pp. 33|48.
 11. Binsvanger L. Freid i ego kontseptsiya cheloveka v svete antropologii // Bytie-v-Mire. M.: Refl-buk. 1999. S. 19|51.
 12. Binswanger L. On the Relationship Between Husserl's Phenomenology and Psychological Insight // Philosophy and Phenomenological Research. 1941. No. 2(2). Pp. 199|210.
 13. Binswanger L. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 1922.
 14. Izenberg G.N. The Existentialist Concept of the Self // The Existentialist Critique of Freud. The Crisis of Autonomy. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 218|232.
 15. Lanzoni S. The enigma of subjectivity: Ludwig Binswanger's existential anthropology of mania // History of the human sciences. 2005. No. 18(2). Pp. 23|41.
 16. Frank S.L. Real'nost' i chelovek. Minsk: Belorusskii Ekzarkhat, 2009.
 17. Lanzoni S. An Epistemology of the Clinic: Ludwig Binswanger's Phenomenology of the Other // Critical Inquiry. 2003. No. 30 (1). Pp. 160|186.
 18. Binswanger L. Der Mensch in der Psychiatrie // Ausgewählte Werke. Band 4. Herausgegeben und bearbeitet von Alice Holzhey-Kunz. Kröning: Roland Asanger Verlag Heidelberg, 1994. P. 57|72.
 19. Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York, London: Basic Books, 1963.
 20. Frie R. Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: a Study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas. Boston: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1997.
 21. Basso E. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project // Medicine Studies. 2012. No. 3. Pp. 215|232.

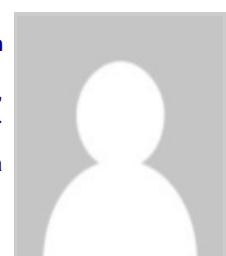
Ecosystem rationality is a philosophical discourse of thinking about the modern world and its future

Plyusnin Lev Vital'evich

Junior scientist, Institute of education, Tomsk state university, Senior lecturer, Department of ontology, epistemology and social science, Tomsk state university.

634050, Russia, Tomsk region, Tomsk, Lenin str., 34, office a

✉ levplusnin@gmail.com

Petrova Galina Ivanovna

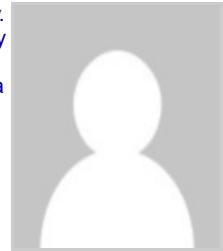
Doctor of Philosophy

Professor of department Ontology, epistemology and social science, National research Tomsk state university.

Leading researcher Institute of education, Tomsk state university

634050, Russia, Tomsk region, Tomsk, Lenin str., 34a

 seminar_2008@mail.ru

Abstract. This article considers the search for a specific form of rational thinking about the future to be the subject of research. The object of research, in this regard, is rational thinking in the specifics of its essential characteristics and historical and philosophical forms of manifestation. Ecosystem rationality is proposed and substantiated as a relevant rationality as the methodological position. This study uses the following research methods: system analysis, which provides a holistic vision of a person from the perspective of his activities. This method proposes the concept of ecosystem rationality. System analysis is supplemented in the article by a comparison method, when different types of rationality (classical, non-classical and post-non-classical) are considered in the potential possibilities of their forms to think about the social reality of the future. Based on the generalization of literature, the article captures the tendency of the formation of ecosystem rationality as the form of modern post-non-classical rational thinking that meets the specifics of the study of modern social reality and its future manifestations. The concept is developed, the main characteristics are given, the specific purpose of ecosystem rationality is determined, which, while remaining scientific (that is, showing a rational path to truth), goes beyond the scope of science alone and, based on its epistemological criteria, offers rational ways of thinking about sociality in general. This rational thinking has the ability to be directed to the multi-vector and non-linear nature of social development, the facet nature of a theoretical view that can grasp the network state of the present as a harbinger of the future.

Keywords: future thinking, ecosystem rationality, post-non-classical rationality, non-classical rationality, classical rationality, foresight, futures studies, rationality, ecosystem, ecosophy

References (transliterated)

1. Miller R. Being without existing: the futures community at a turning point? A comment on Jay Ogilvy's "Facing the fold" // Foresight-The journal of future studies, strategic thinking and policy. – T. 13. – № 4. – 2011. – P. 24-34.
2. Godet M., Durance P. Scenario building: Uses and abuses // Technological Forecasting and Social Change. – T. 77. – №9. – 2010. – P. 1488-1492.
3. De Jouvenel H. An Invitation to Foresight / Transl. from Fr. Helen Fish. – Futuribles juillet. – 2004. – 88 p.
4. Gordon T. The Delphi Method // Futures Research Methodology – 3.0. – NY.: The Millennium Project. – 2009. – b.s.
5. Inayatullah, S. The Causal Layered Analysis (CLA) Reader: Theory and Case Studies of an Integrative and Transformative Methodology / Tamkang University Press. – Taipei. – 2004.
6. Slaughter R.A. What difference does 'integral' make? // Futures. – T.40. – №. 2. – 2008. – P. 120-137.
7. Saritas O. Systemic Foresight Methodology // Science, Technology and Innovation Policy for the Future. – M.: National Research University Higher School of Economics. – 2013. – P. 83-116.
8. Peskov D., Luksha P., Kozharinov M., Savchuk I. Rapid Foresight metodologiya 0.4 /

- M.: Agentstvo Strategicheskikh Initsiativ, 2017. – 90 s.
9. Millennium Ecosystem Assessment // Ecosystems and Human Well being: Synthesis. Island Press, Washington, DC. 2005 World Resources Institute. URL: <https://www.millenniumassessment.org/documents/document.791.aspx.pdf>
 10. Tret'yakov I.D. Rol' zakonov obshchestvennykh nauk v predvidenii sotsial'nykh yavlenii i protsessov: avtoref. dis. kand. filos. nauk. 09.00.11. M.: 2003. – 23 s. URL: <https://www.dissercat.com/content/rol-zakonov-obshchestvennykh-nauk-v-predvidenii-sotsialnykh-yavlenii-i-protsessov> (data obrashcheniya 15.07. 2023)
 11. Pirozhkova S.V. Predvidenie kak epistemologicheskaya problema (kriticheskii analiz kontseptsii K. Poppera): avtoref. kand. filos. nauk. 09.00.11. M.: 2012. URL: <https://cheloveknauka.com/predvidenie-kak-epistemologicheskaya-problema> (data obrashcheniya 15.07. 2023)
 12. Sheludchenko D.A. Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya predvideniya v informatsionnom obshchestve: avtoref. kand. filos. nauk. 09.00.11. Tomsk.: 2017. – 20 s. URL: <https://www.dissercat.com/content/filosofsko-metodologicheskie-osnovaniya-issledovaniya-predvideniya-v-informatsionnom-obshche> (data obrashcheniya 15.07. 2023).
 13. Aref'eva N.T. Prognozirovaniye sotsial'nogo razvitiya: teoretiko-metodologicheskie podkhody. avtoref. dis. doktor filos. nauk. M. 2010. – 39 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004856007> (data obrashcheniya 15.07. 2023).
 14. Savenkov E.B. Nemetaforicheskoe sushchestvovanie ekosistem v sotsiotekhnicheskoi kartine mira // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2022. T. 95. № 6. – S. 34-39.
 15. Permyakov O.E., Kitin E.A. Metodologiya strategicheskogo planirovaniya razvitiya obrazovatel'nykh ekosistem // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2020. № 11. S. 119-129.
 16. Solov'eva T.S. Teoreticheskie aspekty formirovaniya i razvitiya regional'nykh sotsial'no-innovatsionnykh ekosistem // Vestnik NGIEI. 2019. № 3. – S. 84-93.
 17. Ryzhkova O.V., Borodkina V.V. Obosnovanie pokazatelei dlya otsenki integratsii regional'noi i natsional'noi innovatsionnykh ekosistem // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki. 2018. T.11. №1. – S. 146-153.
 18. Nansi L.-Zh Tekhnika i priroda. Interv'yu s L.-Zh. Nansi. Logos. 1997. № 9. https://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/08.htm
 19. Khaidegger M. Bytie i Vremya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Ad Marginem, 1997. 451 s.
 20. Guattari F. The three ecologies / Felix Guattari; Transl. from Fr. Pindar I., Sutton P. – London: The athlone press, 2000. – 174 p.
 21. IIIeler M. Polozhenie cheloveka v kosmose // Izbrannye proizvedeniya: Per. s nem. / Per. Denezhkina A. V., Malinkina A. N., Fillipova A. F.; Pod red, Denezhkina A. V. – M.: Izdatel'stvo Gnozis, 1994. – S. 129–194 s.
 22. Tetior A. N. Tselostnost', krasota i tselesoobraznost' mira mnozhestvennoi prirody. – Tver': Tverskoe izdatel'stvo, 2003. – 423 s.
 23. Orlov D. E. Na puti k ponimaniyu slozhnosti tekhnosotsial'nykh ob'ektov // Vestnik RGGU № 10 (32). Ser. Filosofskie nauki. 2014. (https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-10_14.pdf).
 24. Ivakhnenko E. N. Autopoieisis informatsionnykh ob'ektov // Informatsionnoe obshchestvo. 2009. № 1. – S. 34–41.
 25. Ivakhnenko E. N. Sotsiologiya vstrechaetsya so slozhnost'yu // Vestnik RGGU. 2013. №

11. Ser. «Filosofskie nauki. Religiovedenie». – S. 90–101.
26. Krasil'nikov V.A. Nestandardnyi podkhod k voprosam evolyutsii i proiskhozhdeniya zhizni v tvorchestve A. Bergsona // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6036> (data obrashcheniya: 20.07.2023).
27. Avtonomova N.S. Ratsional'nost': nauka, filosofiya, zhizn' // Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya. M.: 1995. – S. 56–90.
28. Shvyrev V.S. Ratsional'nost' kak filosofskaya problema // Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya. M.: 1995. – S. 3–21.
29. Porus V.N. Sistemnyi smysl ponyatiya «nauchnaya ratsional'nost'»// Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya. M.: 1995. – S. 91–120.
30. Davari Arkadani R. Filosofiya i budushchee // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2006. № 4. S. 93–98.

Conceptualization of the "image of the future" and the "image of the city" and their mutual heuristic potential

Zheltikova Inga Vladislavovna

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of Philosophy and Culturology, Turgenev State University of Oryol

302025, Russia, Orlovskaya oblast', g. Orel, ul. Burova, 26

 inga.zheltikova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of the variants of the meaning of the scientific categories "image of the future" and "image of the city". The subject of the study is the process of forming the conceptual certainty of these stable phrases. Hermeneutical analysis acts as its leading method, aimed at identifying the meanings in which the analyzed phrases are used. Comparative analysis allows us to establish the heuristic potential of the concepts "image of the future" and "image of the city" used in one study. In the article, the author examines the emergence of the analyzed concepts in the second half of the 20th century, their functioning in various scientific contexts. Special attention is paid to their heuristic potential within the framework of social philosophy. The scientific novelty of the study consists in distinguishing four meanings of the concept of "image of the city" – as "image of a real city", in which, based on personal impressions, a generalized representation is formed that captures the uniqueness of a particular urban space, "artistic image of the city" captured in painting, literature, cinema, music, "stereotypical image of the city" as generalized-the normative idea of a well-known, historically significant city, and the "philosophical image of the city" as a speculative model of human settlement, the main parameters of which are socially determined.

The main conclusions of the behavioral research concern the possibility of considering the image of the city as an element of the image of the future, capturing ideas about society, its structure, economy, politics, spiritual practices, social expectations of the time in which it is created. The author of the article suggests considering the study of the image of the city as one of the methods of studying the images of the future.

Keywords: appearance of the city, geopoetic image, cultural landscape, future studies, cities of the future, future, social expectations, image of the city, image of the future, prospection

References (transliterated)

1. BYuRO SIVIL [Elektronnyi resurs] URL: https://tgstat.ru/channel/@civil_architects (data obrashcheniya 01.06.2023)
2. Kravtsov O. Obraz budushchego kak faktor politiki // Nauka.me. 2020. № 1. S. 1-11.
3. Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. Politicheskoe konstruirovaniye obraza budushchego // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2020. № 56. S. 285-299.
4. Komarovskii V. S. Obraz zhelaemogo budushchego Rossii: problemy formirovaniya // Vlast'. 2020. T. 28. № 1. S. 45-50.
5. Merzlikin N. V. Sotsial'naya real'nost' Rossii – otsutstvie ustochivogo obraza budushchego strany // III Chteniya pamyati V.T. Lisovskogo. Sbornik nauchnykh trudov. Pod redaktsiei T.K. Rostovskoi. 2020. S. 160-165.
6. Obraz budushchego v russkoi sotsial'no-ekonomicheskoi mysli kontsa XIX – nachala XX veka. Izbrannye proizvedeniya. M.: Respublika, 1994. 413 s.
7. Golubev A. V. «Pridut iz Kitaya anglichane...»: sovetskoe obshchestvo i voennye trevogi 1920-kh godov // Problemy istorii, filologii, kul'tury. Vyp. 18: 2007. S. 42-57.
8. Popova O. D. Obraz kommunisticheskogo budushchego glazami sovetskikh lyudei (po materialam «pisem vo vlast'» v 50-60 gody KhKh veka) // V sbornike: Gosudarstvennoe upravlenie Rossiiskoi Federatsii: vyzovy i perspektivy Materialy 15-i Mezhdunarodnoi konferentsii. 2018. S. 842-846.
9. Leont'ev D. A., Shelobanova E. V. Professional'noe samoopredelenie kak postroenie obraztsov vozmozhnogo budushchego // Voprosy psichologii. 2001. № 1. S. 57-66.
10. Shestak R. N. Obraz mechty kak modeli budushchego i smyslozhiznennye orientatsii lichnosti / [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.b17.ru/article/2146/> (data obrashcheniya 01.06.2023)
11. Krasnov A. A. Obraz budushchego Peterburga, Tsarskogo sela i Gatchiny v romane M. M. Shcherbatova "Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu // Nauchnye trudy. 2006. № S. S. 68-77.
12. Yavorskaya M. «My – eto i est' vy». Sopostavlenie obraza budushchego v knige «Sto let tomu vpered» i fil'me «Gost'ya iz budushchego» v istoricheskom kontekste // Detskie chteniya. 2019. T. 15. № 1. S. 161-176.
13. Polak F. L. The image of the future (E. Boulding, Trans.) Amsterdam: Elsevier. 1973. 319 r.
14. Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing time // Futures. 2013. Vol. 45. Pr. 38-44.
15. Ahvenharjua S. The five dimensions of Futures Consciousness // Futures. 2018. Vol. 104. r. 1-13.
16. Rubin A., Linturi H. Transition in the making. The images of the future in education and decision-making // Futures. 2001. Vol. 33(3-4). Rr. 267-305.
17. Kaboli S. A., Tapio P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018. Vol. 96. Rr. 32-43.
18. Ahvenharjua S., Minkkinen M., Lalotb F. The five dimensions of Futures Consciousness // Futures. Vol. 2018. 104. Rr. 1-13.
19. Komp-Leukkunen K. What life-course research can contribute to futures studies // Futures. 2020. Vol. 124. 102651
20. Tezanos J. F. Las imágenes y expectativas del futuro en la sociedad española. In:

- Tezanos JF, Villalon JJ, Montero JM (eds) *Tendencias de Futuro en la Sociedad Española*. 1997. Sistema, Madrid.
21. Guillo M. Futures, communication and social innovation: using participatory foresight and social media platforms as tools for evaluating images of the future among young people. 2013. *Eur J Futures Res.* Rr. 1-17.
 22. Bas E. Future Visions of the Spanish Society. In: Reinhardt U, Roos G (eds) *Future Expectations for Europe*. Primus Verlag, Darmstadt, 2008. Rp. 214-231.
 23. Angheloiu S., Sheldrick L, Tennant M. Future tense: Exploring dissonance in young people's images of the future through design futures methods // *Futures*. 2020. Vol. 17. 102527.
 24. Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. Politicheskoe konstruirovaniye obraza budushchego // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020. № 56. S. 285-299.
 25. Shestopal E. B. Obrazy budushchego v soznanii rossiiskogo obshchestva kak faktor politicheskogo Razvitiya // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2016. № 2. S. 7-20.
 26. Belov S.I. Perspektivy ispol'zovaniya politicheskogo mifa kak resursa formirovaniya obraza budushchego v massovom soznanii (na primere Rossii) // *Kaspiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2019. № 1 (58). S. 62-68.
 27. Rochnyak E.V. «Futures studies» kak kompleks nauchnykh napravlenii po issledovaniyu budushchego // *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noi antropologii)*. 2023. №1(23). S. 6-15.
 28. Lombardo T. Science Fiction: The Evolutionary Mythology of the Future // *Journal of Futures Studies*. 2015. Vol. (20(2)). Rr. 5-24.
 29. Ahvenharju S., Lalot F., Minkkinen M., Quiamzade A. Individual futures consciousness: Psychology behind the five-dimensional Futures Consciousness scale // *Futures*. 2021. Vol. 128. 102708.
 30. Likhachev D. S. Russkoe iskusstvo ot drevnosti do avangarda. M.: Stroiizdat, 1992. 256 s.
 31. Sementsova A. V. Obraz goroda Kuibysheva v predstavlenii priezzhikh studentov i korennyykh zhitelei // *Tsifrovaya nauka*. 2022. № 12. S. 31-35.
 32. Isaeva E. Yu., Pavlova I. V. Spetsifikasiya formirovaniya obraza goroda v soznanii naseleniya g. Orla // *Obrazovanie i obshchestvo*. 2018. № 3-4 (110-111). S. 132-136.
 33. Salakhova L. M. Opyt formirovaniya «obraza goroda» na primere Bratska // *Problemy sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya Sibiri*. 2018. № 1 (31). S. 145-150.
 34. Per'kova M. V., Gorozhankina A. S. Obraz goroda: opredelenie ponyatiya i struktury // *Naukoemkie tekhnologii i innovatsii. Yubileinaya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 60-letiyu BGU im. V.G. Shukhova, XXI nauchnye chteniya. Belgorodskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet im. V.G. Shukhova*. 2014. S. 102-106.
 35. Nanadze V. N., Chernykh O. I. «Oblik» i «obraz» goroda: razlichie ponyatii i osnovnye aspekty ikh izucheniya // *Molodezhnyi vestnik IrGTU*. 2021. T. 11. № 2. S. 76-81.
 36. Alekseeva V. L. Obraz goroda v kul'turnom soznanii // *Universitetskaya ploshchad': al'manakh*. 2010. № 3. S. 174-176.
 37. Goranskaya T. G. Goroda Belarusi v izobrazitel'nom iskusstve XX-nachala XXI veka / T. G. Goranskaya ; pod red. O. N. Pruchkovskoi. Minsk : Belorus. nauka, 2017. 255 c.
 38. Igumnova E. V. Obraz goroda i britanskie khudozhniki 1910-kh godov // *Iskusstvo*

- Evrazii. 2020. № 2 (17). S. 39-50.
39. Shiryaeva Zh. L., Vodop'yanova L. A. Obraz goroda v mirovoi literature // Aktual'nye voprosy mezhdunarodnoi kommunikatsii i zarubezhnoi literatury. Sbornik nauchnykh statei po materialam XXXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otv. redaktory N.V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva. Cheboksary, 2022. S. 377-381.
 40. Ushakov F. V. Obraz goroda vo frantsuzskom eksperimental'nom kino 1970-kh gg.: «chelovek, kotoryi spit» Zhorzha Pereka // Artikul't. 2022. № 3 (47). S. 56-66.
 41. Kasatkina S. S. Problema vospriyatiya obraza goroda: sotsial'no-filosofskii podkhod // Nauchnoe mnenie. 2016. № 10. S. 56-60.
 42. Mel'nikova S. V., Porshneva O. S. Obraz goroda i ego funktsionirovaniye v kul'turno-istoricheskem kontekste: k postanovke problemy (na primere Ekaterinburga) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2016. T. 11. № 4 (158). S. 166-172.
 43. Soia E. Kak pisat' o gorode s tochki zreniya prostranstva? // Logos. 2008. № 3 (66). S. 130-140.
 44. Shcherbinina N. G. Obraz goroda kak simvolicheskii konstrukt // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2011. № 3 (15). S. 41-52.
 45. Gorelova Yu. R. Obraz goroda: edinstvo real'nogo i ideal'nogo // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2009. T. 11. № 4 (51-52). S. 353-360.
 46. Mokrousova A. K. Obrazy goroda kak resurs analiza sotsial'nogo prostranstva // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2012. T. 15. № 3. S. 173-181.
 47. Linch K. Obraz goroda / per. s angl. V.L. Glazycheva. M.: Stroizdat, 1983. 328 s.

The Ethical Thought of the Bengal Renaissance: A Discovery of Morality in Indian Tradition (1815–1870)

Skorokhodova Tatiana G. □

Professor, Penza State University

440046, Russia, g. Penza, ul. Krasnaya, 40, kab. 12-218

✉ skorokhod71@mail.ru

Abstract. The origin of Modern Indian ethical thought is described in the article. The author depicts the genesis of ethics as originated from the works by key personalities of the Bengal Renaissance XIX – early XX century. The juxtaposition with traditional Indian thought permits to present the intellectual process in Modern Bengal elite minds as 'discovery of morality'. Based on hermeneutic analysis of the texts on moral problematics from Rammohun Roy and the Brahmo Samaj thinkers to Krishnamohun Banerjea, the author reconstructs the becoming of Indian ethical thought in the context of their striving for the moral regeneration of traditional society. For the first time the genesis and becoming of thinking of Indian intellectuals about morality in its connections with the present condition of social decline in colonial India are disclosed in the research. The experience of Bengal thinkers of 1815–1870th demonstrates the solution of super-task to find ethics in ancient sacred texts and next to build religiously based ethics. The super-task had been settled by the method of interpretation that permits to see high moral precepts in high faith in One God of original religion as it opposed to polytheistic Hinduism. The result of applying the method was embodied in the creative and high conception of Hindu morality based on ethical God Creator. The Bengal thinkers are firmly convinced that displaced into periphery of Hindus'

consciousness morality as a code of normative ethics must be revived and turned into leading imperatives of consciousness of people.

Keywords: Rammohun Roy, monotheism, dharma, tradition, sacred scriptures, morality, ethics, the Bengal Renaissance, Modern Indian philosophy, The Brahmo Samaj thinkers

References (transliterated)

1. Radkhakrishnan S. Indiiskaya filosofiya. V 2-kh tt. T. 1. M.: Mif, 1993.
2. Lysenko V. G. Dobro i zlo // Indiiskaya filosofiya. Entsiklopediya. Otv. red. M. T. Stepanyants. M.: Aspekt press, Gaudeamus, 2009. S. 360–362.
3. Shokhin V. K. Dkharma // Indiiskaya filosofiya. Entsiklopediya. Otv. red. M. T. Stepanyants. M.: Aspekt press, Gaudeamus, 2009. S. 373–378.
4. Lysenko V. G. Vaisheshika // Indiiskaya filosofiya. Entsiklopediya. Otv. red. M. T. Stepanyants. M.: Aspekt press, Gaudeamus, 2009. S. 212–221.
5. Lysenko V. G. Karma // Indiiskaya filosofiya. Entsiklopediya. Otv. red. M. T. Stepanyants. M.: Aspektpress, Gaudeamus, 2009. S. 438–445.
6. Bhushan Nalini, Garfield Jay L. Minds Without Fear. Philosophy in the Indian Renaissance. N.Y.: Oxford University Press, 2017.
7. Panikkar, K. N. Colonialism, Culture and Resistance. New Delhi: Anthem Press, 2007. 212 p.
8. Ghose Sankar. The Renaissance to Militant Nationalism in India. Bombayetc.: AlliedPublishing, 1969.
9. Skorokhodova T. G. Ponimanie Drugogo i dialog v filosofii Bengal'skogo Vozrozhdeniya. SPb.: PeterburgskoeVostokovedenie, 2022.
10. Dasgupta, Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. Delhi: Permanent Black, 2012.
11. Dasgupta, Subrata. Awakening: the Story of the Bengal Renaissance. Noida: Random NousePublishers, 2010.
12. Skorokhodova T. G. Bengal'skoe Vozrozhdenie. Ocherki istorii sotsiokul'turnogo sinteza v indiiskoi filosofskoi mysli Novogo vremeni. SPb.: PeterburgskoeVostokovedenie, 2008.
13. Toynbee A. J. Study of History. Vol. III. L.: Oxford University Press, 1948.
14. Roy, Raja Rammohun. The English Works / Raja Rammohun Roy / Ed. by J.C. Ghose. In 4 vols. New Delhi: Cosmo, 1982.
15. Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century. Selected Documents / Ed. by G. Chattopadhyaya. Calcutta: Progressive Publishers, 1965.
16. Banerjee Surendranath. The Study of Indian History // Nationalism in Asia and Africa. N. Y., Cleavland, L.: Widenfield, 1970. R. 225–244.
17. Skorokhodova T. G. Moralizatorstvo kak fenomen mysli i kul'tury Bengal'skogo Renessansa // Dialog so vremenem. Al'manakh intelлектual'noi istorii. 2018. Vyp. 63. S 77–95.
18. Chelysheva I. P. Eticheskie idei v mirovozzrenii Vivekanandy, B. G. Tilaka i Aurobindo Gkhosha. M.: Nauka, 1986.
19. Rai Rammokhan. Izbrannye proizvedeniya // Skorokhodova T. G. Filosofiya Rammokhana Raya. Optyt rekonstruktsii. SPb: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2018. S. 332–403.

20. Zaidi Zahida. Currents of Thought in Tuhfat-ul-Muwahiddin // Granthana. Indian Journal of Library Studies. Vol. VI. № 1&2. Calcutta, 1999, January. P. 43–56.
21. Shveitser A. Mirovozzrenie indiiskikh myslitelei. Mistika i etika / Per. s nem. M.: Aleteiya, 2002.
22. Chaudhuri Nirad. Autobiography of Unknown Indian. Mumbai, Delhi: Jaico Books, 2003.
23. Datta Amlan. Religion and Rationalism: Road to Emancipation // Raja Rammohun Roy and the New Learning. Raja Rammohun Roy Memorial Lectures / Ed. by B. P. Barua. Calcutta: OrientLongman, 1988. P. 93–100.
24. Syrkin A. Ya. Predislovie // Upanishady / Per. s sanskr. i komment. A. Ya. Syrkina: v 3 t. T. II. M.: Ladomir, 1992. S. 14–32.
25. Upanishady / per. s sanskr. i komment. A. Ya. Syrkina: V 3 t. M.: Ladomir, 1992. T. 2.
26. Tagor Debendronath. Avtobiografiya / Per. s angl., vstup. st. i primech. T. G. Skorokhodovoi. M.: TsIIIVRAN, 2007.
27. Tagore Devendranath. The Autobiography. Transl. from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta: S.C. Lahiri & Co., 1909.
28. Kopf D. Brahmo Samaj and Making of Modern Indian Mind. Princeton: University Press, 1979.
29. Halbfass W. India and Europe. An Essay of Philosophical Understanding. Albany: SUNY Press, 1988.
30. The Bengali Intellectual Tradition: From Rammohun Roy to Dharendranath Sen / Ed. by A. K. Mukhopadhyay. Calcutta: Bagchi, 1979.
31. Bhattacharjee K. S. The Bengal Renaissance: Social and Political Thought. New Delhi: Classical Publishing Company, 1986.
32. Poddar A. Renaissance in Bengal. Quests and Confrontations. 1800–1860. Simla: Indian Institute of Advanced Studies, 1970.
33. Banerjea Krishna Mohun. Dialogues on the Hindu Philosophy. L.–Edinburgh: Williams and Norgate, 1861.
34. Sen Keshub Chunder. Essays: Theological and Ethical. 3rd ed. Pt 1. Calcutta: Brahmo Trust Society, 1889.